

• ОТ ПОБЕДИТЕЛЯ КОНКУРСА •
«СТРАСТИ ПО ОЛЕГУ РОЮ»

МАРИНА ПОЛЕТИКА

ОДНАЖДЫ
БЫЛА ОСЕНЬ

Марина Полетика

Однажды была осень

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4444747
Однажды была осень : роман: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59840-3

Аннотация

Лина – обыкновенная домохозяйка при успешном муже. Она нигде не работает и тяготится такой жизнью. У нее нет своего имущества, и некуда идти. Поэтому, узнав об измене Сергея, она решает остаться с ним и сделать вид, будто ничего не произошло. И только неожиданная, но приятная встреча с прошлым заставит Лину принять настоящее и перестать бояться будущего.

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Марина Полетика

Однажды была осень

«Скоро к нам придут гости, – сказала однажды полевая мышь. – Раз в неделю меня приходит навестить мой сосед. Он очень богат. У него большой дом под землей, и он носит чудесную черную бархатную шубу. Выходи, девочка, за него замуж! Уж с ним-то ты не пропадешь. Одна только беда: он совсем слепой и не увидит тебя...»
Ганс Христиан Андерсен

Часть первая

Старый парк, усыпанный ковром разноцветных листьев, был тих и прекрасен. Темные влажные стволы вековых лиственниц и лип стояли величественно, словно дворцовые колонны. Солнце просвечивало сквозь еще густые кроны пожелтевших берез и краснеющих кленов, отчего они вспыхивали даже ярче видневшихся на взгорке куполов старого собора. Теплый, совсем не осенний ветерок играл листьями, шурша, перемешивая, добавляя оранжевых, красных, желтых оттенков, а потом замирал, как художник, оценивающий свою работу. В крошечном круглом пруду посреди парка плавали важные толстые утки. Дети в ярких новеньких кур-

точках бросали им принесенный из дома хлеб, а голуби толкались под ногами малышей и ворчали, обиженные невниманием. Мамочки с колясками наматывали круги по парковым дорожкам, вдоль которых на лавочках грелись старушки, обмениваясь последними новостями. Скамейки были новенькие, с витыми чугунными спинками, и на каждой красовалась табличка с названием некоего ООО, оплатившего установку лавочек. Но табличками, понятное дело, никто не интересовался. До них ли, когда над головой – ослепительно-синее небо, в воде отражаются облака, а разноцветные листья, покружившись, летят прямо в руки: бери подарок осени, носи домой, чтобы положить в пыльный том Большой советской энциклопедии, купленный родителями в незапамятные времена по талонам, – положить и забыть про свой клад. Но потом, может быть через несколько лет, наткнуться случайно на хрупкий, потерявший краски листок и вспомнить, что вот была она – осень, и на душе было когда-то спокойно и счастливо...

Именно так и чувствовала себя Лина, присев на свободное место и деликатно не замечая целующуюся рядом совсем еще юную парочку – наверняка с лекций сбежали, бездельники. Мысли в голове были тоже спокойные и умиротворенные: вот и еще одно лето прошло, и надо бы чаще ходить пешком, потому что из окна машины всей этой красоты ни-почем не разглядеть. А смотреть на это чудо необходимо, и надо вдыхать этот горьковатый запах влажной листвы, пере-

бирать в пальцах гроздь рябины, сорванной под укоризненным взглядом бдительных бабушек – ну не удержалась, виновата! Ведь так и проедешь мимо осени, мимо красоты, мимо спокойных и важных мыслей ни о чем и обо всем на свете. Если бы не пробка, наглухо закупорившая движение по улице вдоль парка, Лина ни за что бы не зашла в старый, с детства любимый и почти не изменившийся за прошедшие годы парк. Да и что ей там делать? Она не бабушка, не молодая мамаша и не влюбленная студентка. Она взрослая, занятая женщина, у которой нет времени на такие прогулки. А так пришлось бросить машину в ближайшем дворе и пойти пешком через парк, благо до филармонии, куда она шла, – десять минут пешком, если наискосок, от маленькой калитки до главных ворот.

Вспомнив про филармонию, Лина нехотя поднялась (разленилась на солнышке, как кошка!) и не спеша побрела к дальним воротам парка. По дороге, не удержавшись, несколько раз поддела ногой ворох листьев. И, усмехнувшись, поглядела на парочку своих единомышленников, которые развлекались тем, что швыряли друг в друга охапки листьев. Женщина в светлом легком пальто смеялась и уворачивалась, балансируя на тоненьких каблучках, а мужчина...

Лина всмотрелась в мужчину, увлеченно собиравшего в охапку листья и не замечавшего ничего вокруг, кроме своей смеющейся спутницы и устроенного ими разноцветного без-

образия, и у нее закружилась голова. Чтобы не упасть, она шагнула в сторону и поспешно прислонилась к стволу дерева, которое почти скрыло ее от тех двоих. Теперь женщина, обхватив руками невысокую березку, изо всех сил принялась трясти деревце: вовремя налетевший ветерок сорвал с кроны целый вихрь золотых кругляшков. Забыв об игре, женщина рукой в тонкой светлой перчатке отбросила с лица мешавшие ей длинные светлые волосы и замерла, восхищенно любуясь листопадом. Ее спутник, осыпанный листьями, немедленно воспользовался паузой и подошел к ней. Отряхнул с ее пальто листья. Не замеченная никем Лина тоже замерла, вцепившись в ствол побелевшими пальцами. Мужчина – высокий, с коротким ежиком седых волос – был намного выше своей спутницы. Женщина, по-прежнему улыбаясь, запрокинула голову, чтобы встретиться с ним глазами. Тогда он наклонился и стал нежно, неторопливо целовать ее сияющее улыбкой лицо: глаза, щеки, губы...

Трясушимися руками Лина достала из сумочки телефон и, едва не уронив, набрала номер, не отрывая взгляда от целующейся парочки. Она даже слышала звонок – обычный звонок, всякие там мелодии Сергей считал глупым баловством. Но ей пришлось ждать долго, очень долго. И мужчина, потеряв терпение, все же достал из кармана плаща телефон, посмотрел на определитель, что-то сказал своей спутнице – она опять засмеялась.

– Привет! Ты где? – Лина постаралась, чтобы голос звучал

беззаботно.

– Я перезвоню, у меня люди, – торопливо произнес голос в трубке.

И мужчина, с досадой выключив телефон, подхватил за руку свою спутницу, бережным движением убрал несколько запутавшихся в ее волосах листьев и повел ее по аллее в глубь парка. Лина проводила их глазами: женщина что-то говорила, очевидно негромко, а он слушал, неловко склонившись к невысокой спутнице. Постояла, унимая дрожь в руках и старательно слушая короткие гудки, как будто они могли ей что-то объяснить. Потом выключила наконец телефон и нерешительно, как будто забыв, зачем она здесь и куда ей надо попасть, пошатываясь, направилась к главным воротам парка, в сторону, противоположную той, куда ушла пара.

За высокими решетчатыми воротами плотно стояли машины, терпеливо ожидая ушедших по делам хозяев. Не глядя на номер, Лина сразу узнала, как человека в лицо, новенький, сияющий вымытыми боками внедорожник «Лексус», за лобовым стеклом был виден брелок в виде Эйфелевой башни. Они купили этот брелок во время их первой заграничной поездки – конечно же, в Париж, город влюбленных, как положено, – и вот именно что на Эйфелевой башне, в магазине сувениров на каком-то там этаже. Был ужасный туман, и они ничего там не разглядели, кроме сувениров. С тех пор брелок сменил уже несколько машин – Сергей не ездил на одной и той же больше двух-трех лет, брал новую. А брелок

постепенно стал считаться талисманом, «отворотом от гайшников», как они говорили, – и это, как ни странно, работало.

Стало быть, они приехали на его машине. Приехали вместе, чтобы погулять в осеннем парке. А потом, вполне возможно, отправятся куда-то еще – в ресторан или... Лина почувствовала, как внутри ее поднимается волна такой обжигающей злости, что в голове зазвенело, а лицо вспыхнуло жаром. По-прежнему не отрывая взгляд от серебристой башенки, она стала рыться в сумке и наткнулась на ключи от дома. Достала, перехватила половчее – и старательно провела самым большим, от двери калитки, по сверкающему боку «Лексуса» длинную черту. От зеркала заднего вида через всю переднюю дверь. Она ожидала ужасного скрежета, воя сигнализации, конца света – чего угодно. Но ничего такого не произошло. Звук получился неприятным, но негромким, сигнализация не включилась. Закусив губу, Лина смотрела на черту: ровная, уверенная. Такую подводят под списком покупок или счетом, чтобы внизу написать «итого». И поставить окончательную цифру.

Когда, обойдя парк по улице, Лина вернулась к своей машине – тоже «Лексус», только седан и цвет не серый, а бежевый, – пробка ничуть не стала меньше. Она забралась в машину и вдруг почувствовала, что теперь ее колотит, как будто она долго пробыла на морозе: даже зубы постукивали и руки тряслись так, что она едва смогла включить зажигание.

Посидев несколько минут с включенным на максимальное тепло кондиционером, Лина немного пришла в себя. Надо было ехать, не оставаться же в этом дворе до ночи! Она с трудом втиснулась в нужный ряд. Послушный автомобиль медленно пополз в караване машин к ближайшему перекрестку, где поток распадался на несколько более проворных ручейков. Спешить не было ни возможности, ни смысла. Какой смысл торопиться домой, где никто не ждет, – особенно *теперь*? И хорошо, что пробка. Зато можно спокойно подумать над этим самым «итога».

Она даже мысленно представила себе чистый лист бумаги, по которому бегут аккуратные буквы, перечисляя самые важные слагаемые, из которых должна была сложиться сумма: четырнадцать лет брака, семья, которую она привыкла считать идеальной. Дом, достаток, сложившийся круг общения. Казавшийся незыблемым уклад жизни, в котором она – жена, мать, хозяйка дома. Самоуважение и ответное уважение окружающих. «Кажется, все», – удивившись своему странному спокойствию, больше похожему на ступор, кивнула Лина. И опять подвела черту.

И что в итоге? У мужа есть другая женщина.

Лина никогда не была наивной. В конце концов, она прекрасно понимала, что чем выше поднимается мужчина по социальной лестнице, тем больше рядом с ним женщин, готовых разделить с ним «бремя удачи», если не в роли жены, то в роли любовницы. Но она никогда не примеряла этот

шаблон к своему мужу. И уж тем более, как выяснилось, совершенно не была готова увидеть вот так воочию, своими глазами... За все годы их совместной жизни Лина никогда не видела мужа таким легкомысленным и таким счастливым, как сегодня. Ее память впитала все его жесты, все его движения, реакции – но было совершенно невообразимо, чтобы ее сильный, жесткий, целеустремленный, властный и черт-знает-еще-какой муж мог вот так смеяться, по-щенячьи гоняться за листьями и прислушиваться к кому-либо так, согнувшись, будто в поклоне. Он всегда был – негнувшийся. А она, Лина, – мягкая, гибкая – приспособлялась, и это было правильно! Потому что она признавала за мужем право сильного и главного. В густой пелене перед ее глазами всплыл силуэт уходящей пары: женщина говорила, он – слушал. Ее, Лину, муж так не слушал никогда.

«Лучше бы он умер, – так же спокойно подумала Лина. – Можно даже сегодня. Авария, например. Тогда бы я его жалела, оплакивала и любила. Было бы все просто и понятно». И на этот раз она даже испугалась своей невозмутимости. Наверное, всю злость она вложила в ту царапину на дверце ни в чем не повинной машины.

Но раз он не умер, а продолжает жить и радоваться жизни (поцарапанный «Лексус» все же не повод для уныния), то ей, Лине, надо немедленно решить, как жить рядом с ним дальше. Не в далекой перспективе, а хотя бы сегодня вечером. И ночью. И завтра утром. И днем. И следующей но-

чью. «Если не знаешь, что делать, – не делай ничего», – вдруг насмешливо прозвучала в голове любимая поговорка Сергея. Он часто так отвечал на ее вопросы, которые не казались ему достаточно серьезными, чтобы их обсуждать. Поскольку других предложений так и не поступило, а машина уже выскочила на Кольцевую дорогу и до коттеджного поселка Чистые Ключи оставалось десять минут езды, Лина приняла решение, достойное мудрой женщины, – молчать. Пока молчать. До принятия собственного решения. Тем более что один необдуманный поступок она сегодня уже совершила – вообще-то он и ее саму немало удивил.

Сергей вернулся домой около десяти – как всегда. Конечно, директор крупнейшей в городе строительной корпорации не может уходить с работы в восемнадцать ноль-ноль. Лина вышла ему навстречу поздороваться, спросить, как дела, – тоже как всегда. Любящая жена встречает главу семьи с работы.

– Хреново, – с порога пожаловался муж. – Какой-то козел поцарапал мне машину. Причем не то чтобы цапанул, выезжая, а нарочно чем-то острым саданул. Двух месяцев не проездил. Вот ведь народ, твою мать!

– А где ты машину оставил? – сочувственно поинтересовалась Лина.

– В аптеку заскочил, голова болела. У входа припарковался. И не было меня всего минут пять-семь, – пробурчал муж

из глубины гардеробной. – Андрюха хоть дома?

– Дома. Кажется, на компьютере играет – на весь дом стрельба слышна. Есть будешь? – задала Лина обязательный вопрос, на который не ждала ответа – муж никогда не ел после восьми, и даже ужин их «домоправительница» Елена Степановна всегда готовила только для Андрея.

«Получается, что он почти никогда не ужинал дома», – осенило Лину. И вовсе не оттого, что заботился о своем весе. Наверное, он ужинал где-то в другом месте и в другой компании. Как все просто.

– Хоть бы показался, охламон. Нет, есть не буду, чаю по-пью.

Они озвучивали свои привычные реплики, почти не слушая друг друга, лишь соблюдая очередность. Вопрос – ответ. Чашка чая перед сном тоже была традицией, как и то, что Лина всегда сидела рядом, молчала, если чувствовала, что муж не хочет говорить, слушала, если он готов был о чем-то что-то рассказать, или говорила сама – если он не очень устал за день и соглашался слушать. Лину этот милый семейный ритуал никогда не раздражал, более того, она очень ценила эти моменты *общения*. Но сегодня, глядя на мужа, она вдруг подумала, что ему, вполне возможно, неприятно ее присутствие, и он с куда большим удовольствием выпил бы свой чай в одиночестве, не отвлекаясь на дирижирование отлаженным оркестром в составе одного опытного музыканта.

– Пойду я спать, – Лина старательно зевнула. – Ты тоже ляжешь или тебе работать надо?

– Да какая, к черту, работа? – мрачно отмахнулся муж. – Нарботался уже на сегодня. Коньяка выпью – и спать. Ты ложись, не жди меня.

Они помолчали. Сергей сосредоточенно размешивал ложечкой сахар.

– Сережа... А я вас видела сегодня. В парке, – неожиданно брякнула Лина, начисто забыв о своих благих намерениях и решении молчать, быть терпеливой, мудрой и сдержанной.

Ложечка звякнула о край кружки и замерла. Опять повисла долгая пауза. Сергей отставил чашку и поднял глаза на жену. Взгляд был непонятный, тяжелый.

– Понятно... Так это ты, значит? Отомстила?

– Я тебе звонила! А ты сказал... Хотя вы с ней... – сбиваясь, торопливо залепетала Лина.

Не говоря ни слова, Сергей встал и вышел из кухни. Лина засеменила за ним через холл, поднялась по лестнице на второй этаж, шла рядом по балкону до кабинета и говорила, говорила, не выбирая слов, да и не понимая толком их смысла. И замолчала на полуслове, только оказавшись перед захлопнувшейся за мужем дверью кабинета. Постояла, прислушиваясь, – изнутри почти сразу же заорал телевизор. Лина растерялась. Она ждала упреков, извинений, оправданий, ссоры, скандала – всего чего угодно. Но не этого непонятного молчания и захлопнутой перед ее носом двери. На глаза

навернулись слезы, и, боясь разрыдаться прямо тут, под дверью, она повернулась и побрела в спальню.

Войдя, Лина щелкнула замком, запирая дверь изнутри: если муж опомнится и придет просить прощения, то пусть знает – она шокирована и оскорблена до глубины души и его изменой, и его реакцией, поэтому извинения ей не нужны. В семье случилось такое, что извинениями тут дела не поправишь.

Впрочем, как выяснилось через некоторое время, запиралась она совершенно напрасно: Сергей и не собирался просить прощения. Как не собирался ничего объяснять. Это было вполне в его духе: ни ей, ни сыну он не любил подробно объяснять мотивы того или иного решения, зато неукоснительно требовал его выполнения. Лина давно уже к этому привыкла, тем более что все действия мужа всегда казались ей разумными и оправданными. А себя она считала женщиной умной, снисходительной к мужским недостаткам. (Вот, например, не так давно они вместе отправились в салон покупать ей новую машину. «Лексус»-седан – это был выбор Сергея, у нее не было никаких оснований возражать. Но ей ужасно понравился цвет гранатовый, а муж снисходительно объяснил, что гранатовых «Лексусов» не бывает, это фигня, а не «Лексус». «Лексус» должен быть цвета металлик. А если уж ей так хочется, то в крайнем случае – бежевый металлик. Лина не возражала: пусть будет бежевый металлик, ей уступить нетрудно.) Правда сын, вступив в опасный подрост-

ковый возраст, несколько раз пытался раздвинуть границы дозволенного, но быстро понял, чем это чревато, и отложил свои протесты до лучших времен. Справедливости ради надо признать, что глава семейства нечасто вмешивался в ежедневную жизнь супруги и сына – только в редких случаях, когда его участие было действительно необходимо, и такой расклад всех, в общем-то, устраивал.

«Очень странно: рушится вся моя жизнь, а я вспоминаю, как выбирали машину», – отрешенно подумала Лина, глядя в окно. На газоне и мощеной дорожке, ведущей от калитки к дому, радующими глаз разноцветными островками лежали листья. Дом строили четырнадцать лет назад, как и весь поселок, а липы на их участке были старые, вековые – предмет удивления гостей и зависти соседей. Сергей привез их со «своих» строек: рядом с возводящимися многоэтажками старые деревья сохранить не удавалось, они все равно бы погибли. Огромные липы выкапывали экскаватором, краном грузили на «КамАЗ» и ночью везли через весь город. Когда он привез к новому дому первую, все говорили: «Брось, не приживется». Сергей не спорил, но несколько дней спустя привез вторую, третью. Советчики махнули рукой – пусть дурит, раз деньги есть. Деревья два года болели, а на третий липы зацвели.

– Раз взялся – значит, получится, – подвел итог Сергей. – Понял, Андрюха?

И привез со стройплощадки супермаркета еще огромную

лиственницу. У него всегда получалось то, что он задумывал.

Почему-то листья не убрали, вздохнула Лина. Хотя с утра звонили, говорили, что приедут приводить в порядок участок. Надо было днем спросить у Елены Степановны, да было не до того. Листья, деревья, экскаваторы, бежевый металлик... Почему же не получается думать о главном? *Сегодня она узнала, что у ее мужа есть любовница. И он держал лицо другой женщины в своих ладонях.* Но в голове как нарочно срабатывал предохранитель: дойдя до этого момента, мысли сами собой сворачивали с больной темы и уходили в безопасное русло. Наверное, это оттого, что она думает про себя, решила Лина. Вот если бы вслух, если бы ее кто-то слушал, тогда бы она собрала все обрывки воедино, и, возможно, что-то прояснилось бы. Но на часах было без четверти двенадцать – это сколько же она простояла у окна? Да хоть бы и двенадцать дня, с горечью заметила Лина. Все равно говорить на такую тему она ни с кем не стала бы. Маму нельзя волновать, для мамы ее семейная жизнь должна оставаться идеальной, такой, какая была и есть у них с отцом. Подруги? У нее нет подруг, только приятельницы. Но она сама столько раз выслушивала их жалобы на мужей, таких-сяких и разэдаких, столько раз с высоты своего семейного благополучия снисходительно давала умные советы, как наладить отношения, что весь перечень возможных рекомендаций (от «брось и наплюй, все мужики такие» до «а ты подай на раз-

вод, сколько можно терпеть») знала уже наизусть. И ни один из них не подходил к ее уникальному, единственному в мире случаю. Это про чужую беду говорят – руками разведу. А для своей нужен кран «КамАЗ» и экскаватор, как для тех самых лип, будь они неладны!

Наконец, почувствовав элементарную физическую усталость, Лина буквально упала на кровать. Она лежала, тупо глядя в потолок, когда за дверью послышался тихий вздох и робкое поскребывание. Сердце у Лины подпрыгнуло – Сергей все-таки пришел! Решил объясниться? Просить прощения? Не-ет, она не намерена мириться! Такое не прощают! Прощлепав босыми ногами по полу, Лина резко распахнула дверь.

На пороге обнаружилось крохотное лохматое существо, укоризненно смотревшее на Лину темными и круглыми, как спелая черешня, глазками.

– Бусечка! Девочка моя! Я же про тебя совсем забыла!

Бусечка добавила еще укоризны во взоре и задрожала всем своим крохотным пушистым тельцем, как будто находилась при последнем издыхании.

– А где ты ходишь? Когда не надо, вечно лезешь вперед хозяев в постель, а тут ждешь, пока дверь закроют! – с досадой выговорила Бусечке Лина, хватая ее на руки и прижимая к себе.

Хитрая Бусечка тоненько и виновато заскулила, напоминая, что она не выносит семейных разногласий и громких

разговоров, поэтому она выжидала, когда все утихомируются, прячась среди диванных подушек в гостиной, а теперь вот пришла. Чтобы хозяйку окончательно проняло, она прижалась к ней всем тощеньким тельцем и робко лизнула ее в прямо в губы теплым шершавым язычком. Это, как обычно, сработало.

– Ты моя золотая! Девочка моя! – тут же сменила гнев на милость хозяйка. – Хотя ты у меня есть! Пойдем, мое солнышко. А он сегодня не придет, ты не бойся. Я и дверь закрыла, вот! Пойдем, я все-все тебе расскажу. Мне же кому-то надо рассказать. А ты у меня все понимаешь... Ты моя умница...

«Девочка», «солнышко» и «умница» Бусечка была крошечной собачонкой породы йоркширский терьер. Причем она была настоящим йорком: весила всего полтора килограмма, а не четыре, как некоторые, считающие себя йорками совершенно безосновательно, от незнания стандартов породы. И настоящим терьером – любопытным и отважным. Поэтому она всегда с неподдельным интересом слушала хозяйские разговоры и была единственным обитателем этого дома, который имел дерзость оспаривать распоряжения самого хозяина. Вот, к примеру, хозяин с самого начала был категорически против того, чтобы она, Бусечка, спала на хозяйской кровати. Но Бусечка, будучи еще совсем крохотным щенком, отстояла это право хитростью, упорством и настоящими истериками с визгом и слезами. Хозяин плюнул и от-

ступился, но с тех пор в отместку стал звать Бусечку Фросей. Буся на это безобразие гордо не откликалась, хозяйка его все время ругала, но в общем это были мелочи в сравнении с главным – вот уже два года Бусечка спала на хозяйкиной половине кровати, то в ногах, то рядом с подушкой, в зависимости от своего настроения.

Вот и сейчас, угнездившись в уютной ложбинке между подушками, Буся с облегчением вздохнула (все-таки идти одной по громадной лестнице из гостиной на второй этаж было страшновато) и приготовилась слушать.

– ...а я не знаю, что мне теперь делать, понимаешь? Так же дальше жить невозможно. Он даже и не отрицает ничего, представляешь? А мне как быть? Уйти? Ну да, и все бросить, всю жизнь бросить к черту из-за какой-то дряни?! Чтобы она получила все на блюдечке?! Ну уж нет! Остаться и помалкивать? Или устраивать скандалы, как положено обманутой жене? Тьфу, гадость-то какая! У меня вообще никакого выхода нет! Ни-ка-ко-го, ты понимаешь? Тупик! Он сильный, а мы с тобой – слабые. И он этим пользуется. Ну что же нам с тобой теперь делать-то, Бусечка, а? – Обессилев от своего длинного бессвязного монолога, Лина уткнулась лицом в подушку и от души расплакалась.

Бусечка лизнула ее в нос и аккуратно отстранилась – она не выносила ничьих истерик, кроме своих собственных. Потом настороженно подняла уши, оглянулась на дверь и тихонько тявкнула. Но хозяйка, всхлипывая и подвывая, не об-

ратила на нее внимания.

«Вот Фроська, зараза, сейчас опять лай поднимет, – проворчал про себя Сергей, стоявший под дверью спальни во вполне нелепой позе – приложив ухо к замочной скважине для улучшения акустики. – И эта тоже хороша – с шавкой разговаривает. Впрочем, как всегда. Со своей шавкой она всегда разговаривала гораздо больше и куда ласковее, чем со мной или даже с сыном».

Стараясь ступать бесшумно, он пошел по балкону обратно в своей кабинет, где и намеревался сегодня ночевать. Собственно говоря, он и сам не знал, зачем притащился под дверь. К объяснениям он был не готов. В нем боролись два одинаково сильных чувства: досады оттого, что попался сегодня в парке, как двоечник за списыванием на годовой контрольной (не иначе, черти их всех в этот дурацкий парк понесли среди дня!), и злости за испорченную машину (джип-то при чем, елки-палки!). Вины за собой он не чувствовал. Любовницы – постоянные или временные – были почти у всех людей его круга, но их жены, как правило, не совали нос туда, куда не следует, и все шло своим чередом, тихо-мирно, без истерик. А если и узнавали, то помалкивали, разумно предпочитая худой мир доброй ссоре. Благодарные мужья мир в семье щедро оплачивали, и это всех устраивало.

А эта... Дура, дура и есть! Шпионка хренова... Позволила из-за кустов, сделала из него идиота, машину испортила, устроила истерику – и что теперь делать, скажите на

милость! Почувствовав спасительную злость и окончательно найдя виноватых в этой, как ни крути, неприятной ситуации, Сергей несколько успокоился, вернувшись в кабинет, выпил последнюю рюмочку хорошего коньяка и улегся спать – он всегда умел быстро «отключаться» от мыслей и эмоций, которые считал непродуктивными.

Лина лежала в постели и смотрела в окно. Собственно говоря, из этого положения было видно только ослепительно-голубое, без единого облачка, небо. Она повернула голову: на половине мужа, повернувшись к ней спиной, безмятежно сопела Буся. Вставать и начинать новый день не было ни сил, ни желания. «Вот так и пролежу целый день в кровати, – равнодушно подумала Лина. – Наплевать на все».

Однако, понежившись еще немного, Лина все же решила выяснить, на что именно ей предстоит наплевать сегодня, если она претворит свой план в жизнь. Пришлось-таки вылезти из постели. Скользкий шелк пеньюара неприятно холодило плечи, она предпочла бы пушистый махровый халат, но такие халаты хозяйка дома позволяла себе носить только после бассейна или сауны, чтобы подняться с цокольного этажа наверх.

Возле кровати сиротливо стояла лишь одна тапочка, если, конечно, такое название не обидит изящную мягкую домашнюю туфельку на каблучке. Лина пошарила ногой под кроватью – безуспешно. От перспективы встать на колени и

ползать по полу в поисках дурацкой тапки на глаза опять навернулись слезы. Нет, так не годится. Нервы совсем расшались. Надо пойти выпить кофе, а потом поискать в аптечке что-нибудь успокоительное.

– Бусь, пойдй достань тапку, – без особой надежды в голосе попросила Лина.

Ответом ей был лишь тяжкий длинный вздох, означающий, что предназначение йорка – радовать глаз и греть душу хозяина, а для доставки тапок и выполнения других дурацких команд надо было завести кого попроще, спаниеля например.

– Дрянь ты, Буська, – обиделась Лина. – Маме помочь не хочешь. И так все наперекосяк с утра, так еще и ты. Ну и лежи, а я тебя кормить не буду.

Буся лишь потянулась в ответ, не удостоив хозяйку даже взгляда. Кормила ее Елена Степановна, так что она ничем не рисковала.

– А я босиком пойду. Тебе назло, – решила Лина. – Пол все равно теплый.

Она вышла из спальни. В доме царила тишина: муж на работе, сын в школе, домработница еще не пришла. Прощлепав по действительно теплomu полу (с подогревом) через внутренний балкон, соединявший все помещения второго этажа, до своей комнаты, она взяла лежавший у компьютера ежедневник. Большой, тяжеленный, в дорогом кожаном переплете, он уже сам по себе придавал вес тому, что в нем

было записано, делая каждый пункт многозначительным и важным. Итак, суббота, десятое октября. Аккуратная запись информировала, что сегодня «День рождения Артура, 19 часов». А в 16 часов, сообщал ежедневник, придет Ольга, мастер из салона красоты. Лина села в кресло и задумалась, машинально постукивая босой ногой по полу.

Артур Гафаров был давним партнером мужа по бизнесу, к тому же Гафаровы были их соседями по поселку Чистые Ключи, их дом стоял через две улицы. Дни рождения Гафаровых-старших всегда праздновались в семейном кругу, непременно дома, а не в ресторане, – это была нерушимая традиция. Не пойти на день рождения Артура Сергей не мог, так же как не мог бы он прийти без жены – это вызвало бы слишком много вопросов. Даже стандартная отговорка насчет болезни не сработала бы: жена Артура, Татьяна, немедленно прибежала бы навестить «больную». Таким образом, сегодня им с мужем предстоит продемонстрировать друзьям и знакомым если уж не пылкую любовь, то как минимум крепкие семейные отношения. Во избежание кривотолков. А это, в свою очередь, означает, что Сергею все же придется вступить с ней в переговоры. Отлично!

Настроение не то чтобы улучшилось, но об успокоительном было забыто. Вместо успокоительного Лина отправилась на кухню пить кофе и ждать звонка от мужа. Звонок будет означать начало мирных переговоров и возможное прояснение ситуации. А к переговорам надо подготовиться, и Ли-

на немедленно занялась всесторонним приведением себя в порядок. Она спустилась вниз, в цокольный этаж, где муж оборудовал себе тренажерный зал, и минут десять (на большее ее никогда не хватало) честно потопталась на беговой дорожке. Потом отправилась в бассейн и с полчаса плескалась там, включив динамичную музыку погромче: Сергей их бассейном откровенно гордился, такого огромного, длиной девять метров, с волнами и противотоком, больше не было ни у кого в поселке. Потом душ, завтрак, маска для лица.

Перемещаясь по дому, Лина везде носила с собой телефон, боясь пропустить звонок от провинившегося мужа. Она и приехавшей Елене Степановне строго-настрого наказала: если Сергей Алексеевич позвонит, трубку не снимать, а немедленно нести ей, Лине, она сама ответит. Но Сергей не звонил. Лина опять занервничала, предчувствуя, что муж и на этот раз избежит переговоров, повернув ситуацию нужным для себя образом. Так и оказалось: в три часа на ее телефон пришло sms-сообщение: «Вечером идем к Гафаровым. Подарок я купил».

«А вот не пойду! – разозлилась Лина. – Плюну на все правила и не пойду. Пусть идет один и там объясняется, а я ему не девочка из эскорт-услуг!»

Но потом приехала Ольга из салона красоты, не отсылать же ее назад? Прическа, маникюр, макияж. Ольга спросила, какого цвета будет платье, пришлось решать и выбирать. На домашней вечеринке надлежало выглядеть не слишком

пафосно, но достойно. Выбрав наконец платье, Лина долго и придирчиво разглядывала себя в большом зеркале и осталась вполне довольна результатом. Настроение немного улучшилось, и она отправилась подбирать одежду и заколку для Бусечки – ее девочка тоже приглашена, потому что гафаровский йорк Петька (по паспорту Брэд Питт и как-то там еще) – ее родной братец, и их связывает самая нежная дружба. А поскольку часть вечера Буська проведет у Лины на руках, то цвет попонки должен гармонировать с ее платьем.

В хлопотах она не заметила, как наступили сумерки. Сергей приехал в семь с минутами, сунул ей в руки огромный букет для супруги именинника, поставил в прихожей огромную коробку, пришлось спешно собираться, одевать Бусю, и было не до разговоров.

День рождения праздновали, как всегда, с размахом: огромный дом был полон гостей. Официанты из кейтеринговой фирмы едва успевали метать на стол закуски, горячее, торты и десерты. Потом мужчины играли на бильярде, дамы щебетали в гостиной о пустяках, слегка сплетничали об отсутствующих и умирали от смеха над собачьими проделками: Буся, Петька и еще двое их братьев тоже развлекались на славу. В зале весь вечер играли приглашенные музыканты – скрипачка, пианист и саксофонист, и под конец все стали танцевать. И они с Сергеем тоже танцевали. Разговаривать было неудобно – шумно и слишком много народа. Но в танце его руки держали ее за талию сильно и нежно, Сер-

гей двигался уверенно и ловко, вел партнершу, оберегая от столкновений с другими парами и задавая ритм. Лина знала, что она отлично выглядит: мужчины провожали ее глазами и не скупились на витиеватые комплименты. А ее платье сложного бирюзово-зеленоватого оттенка выгодно отличалось от набивших оскомину дежурных «маленьких черных платьев», в которые традиционно обрядилась большая часть приглашенных дам. От ее глаз не укрылось, что и Сергей все это тоже замечает. И Лина почувствовала, как ее понемногу отпускает напряжение вчерашнего дня, возвращается уверенность, лопнувшая, как воздушный шарик, там, в парке. В конце концов, что она себе нафантазировала! Та красotka на шпильках ей не конкурентка. Возможно, она и мечтает занять ее, Ленино, место возле Сергея, но опоздала, голубушка! Подбирай крошки с барского стола, гуляй в парке. Ты – любовница, а я – жена. И четырнадцать лет брака просто так никто не вычеркнет. А что будет дальше? Поживем – увидим. Это была еще одна любимая Сергеем поговорка на все неясные случаи жизни.

Домой они вернулись в два часа ночи, даже в Андрюшкиной комнате уже не горел свет.

– Ты сегодня шикарно выглядишь! – снимая с жены пальто, Сергей не спешил убрать руки с ее плеч.

Они встретились глазами в зеркале, и Лина улыбнулась их общему отражению.

– И все мужики тебе завидовали, да? – уточнила она.

– Завидовали, – согласился Сергей, целуя ее в шею.

– Может быть, тогда мы все-таки дойдем до спальни? Или ты предпочитаешь в прихожей? – по-прежнему не поворачиваясь, спросила Лина. От выпитого и от волнения у нее кружилась голова, и глаза странно блестели.

– Можно и здесь, помнится, бывало и такое. Но в спальне, конечно, лучше, – подумав, решил Сергей, и они, не включая света, стали подниматься по лестнице, хихикая, как заговорщики.

За ними вскарабкалась по высоким ступенькам Бусечка в голубой попонке, которую никто так и не позаботился снять (хорошо хоть, бантик она научилась сама стаскивать лапкой на раз-два). Но на сегодня ее неприятности еще не закончились: дверь спальни оказалась закрытой, что нарушало все мыслимые границы допустимого! Бусечка жалобно поплакала под дверью, но и это не помогло. Оскорбленная до глубины души собачка спустилась вниз, в гостиную, в отместку пописала прямо посреди комнаты, не удостоив даже взглядом положенную в прихожей специальную салфеточку, и устроилась на диване между многочисленных подушек, пообещав себе ни за что не прощать хозяйке такого предательства.

Если бы после ночи не наступало утро, сколько романтических историй имели бы счастливый конец! И сколько влюбленных пар не узнали бы, как изменяет реальность жестокий дневной свет, не признающий туманной дымки, по-

лутонов, иллюзий, шепота и умолчаний. Но утро всегда наступает, и с этим ничего нельзя поделать. Наверное, к счастью, в конечном итоге.

Лина проснулась первой. На этот раз наличие или отсутствие за окном облаков ее совершенно не интересовало. Приподнявшись на локте, она внимательно и нежно вглядывалась в до боли знакомые черточки на лице спящего мужа. Даже сейчас, в минуты покоя, у него было такое сосредоточенное выражение, словно он не досматривал последние и самые сладкие утренние сны, а лишь на секунду прикрыл глаза, и спроси его о чем – моментально ответит, будто и не спит. Интересно, он когда-нибудь позволяет себе расслабиться? Быть смешным, глупым, не собранным в кулак? Хм, она, во всяком случае, такого не припоминает. Хотя... позавчера в парке он был именно таким.

Отвратительная картинка – парк, листопад и ее собственный муж, как подросток, целующийся в кустах, – сама собой выплыла из памяти и теперь красовалась перед глазами, четкая и недвусмысленная. Нет, так дело не пойдет, решила Лина. Так у нее не получится забыть и сделать вид, что ничего не происходит, что бы ни говорил разум. Выход один: надо все-таки поговорить с Сергеем. Заставить его выслушать и объясниться. Она его жена и имеет на это право. Лина прислушалась к себе, пытаясь поймать вчерашние приятные чувства куража и уверенности в себе. Вчера они снова были семьей: разговаривали и танцевали, как будто у них все хо-

рошо, и прошедшая ночь тоже была этому подтверждением. Так какого черта?!

– Ты почему не спишь?

От этого вопроса Лина вздрогнула и пришла в себя. Проснувшийся Сергей смотрел на нее не моргая, совершенно ясными, без остатков сна глазами.

– Обычно ты так рано не просыпаешься. Еще и десяти нет, – подколол он жену и, примерившись, легонько чмокнул в плечо.

– Не спится. Мысли всякие. Сережа... поговори со мной, пожалуйста, – собралась с духом Лина. – Ведь надо же поговорить, ты понимаешь?

– Это только по телевизору в твоих ток-шоу все хотят поговорить, а у меня нет такого желания, – скривился Сергей.

– Сережа, как-то странно... – тихо продолжила она. Лина решила не идти на конфликт и не позволять мужу оборвать разговор банальной ссорой. – Я твоя жена. И имею право знать... А ты как-то так переворачиваешь, что я еще и виновата.

Вообще-то именно так Сергей и думал, считая поцарапанный «Лексус» достаточной компенсацией за нанесенный законной супруге моральный ущерб. Но озвучивать эту вполне разумную мысль не стоило. Он встал с кровати, натянул брюки и подошел к окну.

– Хорошо, давай поговорим, – не поворачиваясь к лежащей в постели Лине, неохотно согласился он.

Ей стало неловко. Почувствовав себя голой, незащищенной и оттого еще более несчастной, Лина села, произвольно подтянув колени к подбородку, и постаралась укутаться поплотней в одеяло. В самом деле, зря она затеяла разговор именно сейчас. Надо было встать, привести себя в порядок, позавтракать – да просто одеться, в конце концов! И разговаривать было бы легче. Но отступать было поздно.

– Так о чем именно ты хотела бы поговорить? – стальным голосом спросил ее Сергей, как будто она была нерасторопной секретаршей, отнимающей у него драгоценное время.

– Сережа, ну нельзя же так, – с трудом подбирая слова, начала Лина. – Я не могу дальше продолжать молча жить, как будто ничего не произошло! Я не знаю, что мне делать! Ты... виноват, и ты же еще надо мной издеваешься.

– Я не издеваюсь, – холодно ответил Сергей. – Я просто не знаю, что я должен тебе сказать в этой ситуации. «Дорогая, это было совсем не то, что ты подумала»? «Та девушка – мой главбух, и мы обсуждали квартальный отчет»? Или: «Прости, дорогая, я больше не буду, честное слово»? Что ты хочешь от меня услышать? Мне очень жаль, что так получилось, я приношу свои извинения. Это все?

– Ты... хочешь со мной развестись? – едва справляясь с дрожью в голосе, спросила Лина. – Ты ее... ты ее любишь?

– Господи! Нет, я не хочу с тобой разводиться, – заводясь, отчеканил Сергей. – О чем мы вообще говорим, а? В конце концов, ты не в постели меня застала с голой задницей,

а случайно встретила одетого и в общественном месте, впа-
ла в истерику, искорежила машину – и в придачу я должен
оправдываться непонятно в чем! Я – взрослый свободный
человек. И имею полное право гулять по улице с кем хочу.
Ты, кстати, тоже.

– Мне не нужна такая свобода... – пробормотала Лина,
понимая, что разговора опять не будет. У нее никогда не по-
лучалось заставить Сергея делать то, что он сам не считал
нужным. Впрочем, она давно уже оставила бесплодные по-
пытки. – Я не хочу ни с кем гулять. То есть я хотела сказать,
что мне не свобода нужна, а...

– Это дело вкуса, – резко перебил ее Сергей. – Не нужна –
сиди себе дома безвылазно, как... Как вот эта Фроська твоя.

– Буська, – автоматически поправила Лина.

– А почему, кстати, Буська? – поинтересовался муж. – Ка-
жется, по паспорту она какая-то Бон-Бон Пари фон Мюнх-
гаузен?

– Ну... просто так, – растерялась от неожиданности Ли-
на. – Буся, и все. Ей подходит.

– А я тебе скажу, почему она – Буся. Потому что когда ты
хочешь ее облизать, то говоришь: «Заинька, дай бусю!» Она
тебе морду подставляет, и вы целуетесь! – Сергей передер-
нулся от отвращения. – Ты хоть замечала, что зовешь себя
ее мамочкой? «Иди к мамочке, посмотри, что мамочка тебе
купила!»

– Так ты что – меня из-за собаки ненавидишь? – изуми-

лась Лина. – Из-за Буси?

– Я тебя не ненавижу! Я просто сказал, что ты сидишь дома, как комнатная собачонка, и интересы у вас с Фроськой примерно одинаковые! Шубки, попонки, гости, прически, бантики, блин! И подружки у тебя такие же дуры! Танька вон Гафарова хоть в своем платном вузе какую-то фигню бедным студентам читает, какие ни на есть мозги, а все тренирует. Мозги – они без тренировки усыхают! Мозгам тоже фитнес нужен, а не только заднице! Но вы этого почему-то не понимаете!

– Сережа... Что ты говоришь... – опешила Лина. – У меня дом, семья...

– Извини, – остывая, сказал Сергей. – Ты спросила – я ответил. Занялась бы ты чем-нибудь, честное слово. Меньше бы в голову лезло всякой чепухи. По дому Елена и без тебя справляется. Раньше ты хоть с Андрюхой по секциям ездила, уроки делала. А сейчас одна шавка на уме.

– Андрей теперь сам все, четырнадцать лет ведь... А у меня много всяких дел. И конный клуб, и теннис, и музыкальные вечера... Я в филармонию абонемент купила, – пробормотала Лина и замолчала. – То есть я за ним шла тогда... Через парк.

– Ну да, – Сергей еще покачался с пятки на носок, рассматривая ее, как показалось Лине, с недоумением. – В филармонию. То есть тебе не скучно. Ладно, поговорили. Я пойду поплаваю.

Сергей рывком открыл дверь и шагнул через порог, едва не упав, споткнувшись о лежавшую под дверью Бусю-Фросю. Та уже давно проголодалась и неотступно дежурила у комнаты. Не обнаружив утром на кухне Елены Степановны, она отправилась будить хозяйку, которая и так была перед ней кругом виновата. Сергей чертыхнулся и побежал вниз по лестнице. Буська в долгу не осталась и пролаяла ему вслед что-то обидное, но он, к ее досаде, даже не обернулся. Цокая коготками по паркету, собачка вошла в спальню и замерла, прислушиваясь. Хозяйка сидела на кровати и глупо таращилась в окно, за которым ровным счетом ничего не происходило. В нарушение всех правил она не проявила никакого интереса к появлению своей бедной, голодной, всеми позабытой любимицы. «Да что же это такое творится в доме, — подумала Буська, с трудом запрыгивая на высокую кровать. — Ни завтрака, ни покоя, ни выспаться нормально — так еще и игнорируют напрочь!»

Сквозь оцепенение Лина почувствовала, что ее руку настойчиво поддевают снизу мокрым холодным носиком, обняла собачонку и принялась задумчиво перебирать пальцами мелкие шелковые кудряшки на шерстке. Обычно такие добрые и ласковые хозяйкины руки гладили любимицу как-то невнимательно, без всегдашнего энтузиазма. Это Бусю серьезно встревожило. Но только она собиралась потребовать от хозяйки объяснений, как в дверь постучали, и на пороге нарисовался Андрей — одетый, в куртке и с теннисной ракет-

кой в руках.

– Мам, привет, а чего у тебя Буська дома в пальто ходит? Прикольно! – закричал он с порога. Собачка недовольно фыркнула – по ее мнению, хозяйкин сын всегда разговаривал слишком громко. – Слушай, мам, я пойду к Стаське Воробьеву, мы договорились у них в теннис поиграть. Не террай, если я вдруг сотовый не услышу.

– Ладно, только обедать домой приходи, – стараясь придать голосу бодрость, вяло откликнулась Лина.

– Не-а, я там пообедаю. Елены же сегодня нет, суп вчерашний я не хочу. Ты же знаешь, я уху терпеть не могу, а Стаськина бабушка классные драники готовит. Слово смешное – драники, да?

– Смешное, – грустно согласилась Лина. – Иди, конечно, сам позвони, если задержишься.

– Конечно, мам, не волнуйся! – Андрей повернулся, чтобы бежать по своим делам, но вдруг вернулся, подошел к кровати. – Мам... знаешь что? Ты не расстраивайся. Все ругаются. Все равно потом помиритесь.

– А мы и не ругались, – попыталась улыбнуться Лина. – С чего ты взял?

– Ну да... – с абсолютно отцовской интонацией согласился Андрей. – Я же все понимаю. Ну, я побежал, да?

Лина откинулась на подушки и долго лежала, созерцая ставшее в одночасье серым осеннее небо – такое далекое и безучастное, утонувшее в клочьях грязных серо-голубых об-

лаков. На душе было так же тускло и беспросветно, а мысли в голове рвались на не связанные друг с другом непонятные фрагменты. И вдруг она четко поняла, что не может оставаться в доме наедине с мужем. Делать вид, что она принимает его правила игры: ничего не произошло, а стало быть, и говорить не о чем – это было выше ее сил. На самом деле больше всего на свете сейчас ей хотелось устроить безобразный скандал: разораться, хлопнуть об пол его любимую кружку, обвинить мужа во всех смертных грехах, потребовать развода, вышвырнуть его вещи за порог! Ведь так и полагается вести себя законным женам в подобных случаях. А потом выслушать его сбивчивые объяснения, заверения в том, что «его попутал бес», что «ничего такого не было» и «в любом случае ничего подобного больше никогда-никогда не повторится, потому что он любит только ее и больше никого на свете». И тогда, может быть, она постарается его простить – не сразу, конечно, но со временем. Вот как должно было быть!

Но если дорогой супруг рассчитывает, что она будет безропотно мириться с отведенной ей ролью предмета домашнего обихода, всегда находящегося под рукой у хозяина, то он ошибается! Она уедет сейчас же, даже не позавтракав и не предупредив его, уедет на целый день, и пусть на этот раз он ломает голову: куда? Уехать при этом следовало в такое место, чтобы найти ее было никак не возможно, а телефон она выключит, непременно выключит!

Подхваченная волной протеста, как тогда, у выхода из парка, Лина слетела с кровати и принялась лихорадочно набирать номер подружки Лариски. Собственно говоря, подружкой Лариску она называла только по старой памяти: с самого детства они жили в одном доме и вместе играли во дворе – вот тогда они и в самом деле были неразлейвода. Но потом Лина вышла замуж и уехала, а Лариска осталась – так и проживала по старому адресу до сих пор, приведя своего избранника в родительскую квартиру и родив ему двоих сыновей. За минувшие годы задушевная дружба почти сошла на нет, превратившись в обыкновенное давнишнее знакомство. И все же по старой памяти они с Лариской изредка перезванивались и еще реже встречались. Разумеется, инициатива исходила не от Лины: дело даже не в том, что Лариска была теперь совершенно не из ее круга. Просто в однообразной Ларискиной жизни не происходило ничего такого, что могло бы представлять интерес для Лины. А вот Лариска, напротив, живо интересовалась событиями Лининой жизни: заграничными поездками, крупными и пустячными покупками, Андрюшкиными успехами в школе. Периодически звонила, расспрашивала, ахала и восхищалась, немного завидовала, конечно, но не зло, а открыто и простодушно, искренне выражая свое восхищение подругой.

Кроме того, Лариска очень любила проводить параллели между собой и Линой, причем с явным оттенком веселого мазохизма. Выслушав краткий Линин отчет об отпуске на

Сейшелах, она в свою очередь очень смешно рассказывала, как они проторчали три недели на даче у ее родителей в деревне Бобровка. На мимоходом сообщенную новость о приобретении для Лины новой машины она, смеясь, рассказывала, что, когда она села в их только что купленную «Ниву», под ней немедленно сломалось пассажирское кресло и она со всего размаху плюхнулась на пол. Если Лариска узнавала, что Андрей занялся серфингом и делает успехи, то тут же рассказывала, что оба ее «обалдуя», как она именovala сыновей, часами не отлипают от компьютера, а старший в школе едва тянет на тройки и на репетитора, разумеется, денег нет. Тема денег лидировала в Ларискином рейтинге актуальных вопросов: их всегда отчаянно не хватало, но, надо отдать ей должное, она никогда не пыталась одолжить их у Лины. Супругов они не сравнивали по умолчанию – Ларискин Толик за смешные деньги работал врачом в какой-то заштатной государственной больнице, и подходящую шкалу для сравнения Ларискиного Толика и Лениного Сергея просто невозможно было подобрать в силу несоизмеримой разницы масштабов.

Честно говоря, Лина не вполне понимала, зачем Лариска продолжает делать вид, что они – подруги, раз уж у них осталось так мало общего. Потом пришла к выводу, что старой знакомой руководят вполне прагматические мотивы: во-первых, ей интересно хотя бы краем глаза понаблюдать за жизнью Лины – будто глянцевого журнал полистать, только

вживую. А еще Лина время от времени привозила для Ларискиных пацанов вещи, из которых вырос Андрей. Таких джинсов и свитеров, какие носил Андрей, у них отродясь не бывало, так что все привезенное принимали с благодарностью. Лина с удовольствием отдавала бы Ларисе и свои вещи, но подружка быстро располнела и в Линину фирменную одежду сорок шестого размера не помещалась в принципе.

Еще Лина не понимала, зачем она сама поддерживает отношения с Лариской, иногда под настроение позванивая «заклятой подружке» или запросто забегая в гости. То есть понимала, конечно, но не собиралась признаваться даже себе в том, что ей нравится собственное отражение в зеркале, которое каждый раз услужливо подсовывает Лариска, – так думать было бы некрасиво и недостойно интеллигентного человека. Поэтому Лина говорила себе, что просто не может оттолкнуть от себя подругу детства только за то, что они теперь живут на разных «этажах». Ведь понятие благотворительности, в конце концов, может касаться не только джинсов, но и более тонких материй, вот дружбы например.

Короче говоря, она позвонила Лариске. Та была дома и, немного удивившись звонку, радостно сообщила, что муж и сыновья еще в пятницу уехали в деревню помогать деду и бабушке пилить дрова на зиму, так что она одна и совершенно свободна. Конечно, она будет счастлива увидеться и поболтать!

Лина принялась лихорадочно собираться. Вообще-то у

нее было намечено и еще одно дело, которое как раз и могло занять целый день, но все откладывалось как раз из-за своей очевидной глупости. Причем настолько явной, что даже озвучивать эту прихоть никому не стоило – засмеют. Но Лина давно уже не отказывала себе в куда более дорогостоящих капризах, чем этот, вполне, в общем-то, безобидный. Она смеялась над собой и иронизировала, и откладывала «на потом» – а все равно не получилось, не забылось. Значит, решено. Надо наконец решиться и исполнить задуманное. А сегодня как раз все так сложилось... удачно.

К воплощению задуманного плана Лина подошла со всей серьезностью. Прежде всего – одежда. Спустившись в гардеробную, она откопала самую старую из имевшихся курток, такую, чтоб не бросалась в глаза. Конечно, простота тоже была относительной, она это понимала, но ничего хуже этой кожаной куртки из позапрошлогодней коллекции знакомого дизайнера у нее не было. Все разонравившиеся или вышедшие из моды шмотки она отвозила двоюродной сестре в Нижний Тагил, и родня не могла нарадоваться подаркам. Что же теперь делать-то? После лихорадочных поисков в гардеробной нашлись старые черные брюки – Лина даже не помнила, когда и, главное, зачем их купила. Она давно заметила, что с наступлением осени женщины, которые ходят пешком и ждут на остановках общественный транспорт, все, как по команде сверху, одеваются в черные брюки или юбки. Понятно, что к такой «униформе» легко подобрать черную

сумку и черную обувь. Когда-то давно, когда у нее самой были только одни-единственные осенние сапоги (разумеется, практичные черные), она тоже носила черные брючки, к которым подходили любые блузки и свитера. То есть она тогда считала, что подходили.

Это потом ей объяснили, что дневной свет делает черную одежду либо претенциозной, либо дешевой и нелепой, и теперь Лина никогда не носила днем ничего черного. Поглядев на себя в зеркало, новоявленная «модница» с удовлетворением убедилась: старые брюки так упростили и обезличили куртку дивного бордово-коричневого оттенка осенних листьев, что она вполне могла сойти за купленную в магазине кожи и меха эконом-класса. С сумкой и вовсе проблем нет: она возьмет ту, с которой обычно ходит в спортзал. Занимаясь выбором костюма для сегодняшней роли и набивая спортивную сумку одеждой, из которой вырос Андрей, Лина не заметила, как отвлеклась от неприятных мыслей и целиком отдалась *предвкушению*. Ее ждет настоящее приключение – можете не сомневаться!

– Бусенька, детка, я тебя сегодня не беру, – виновато сообщила она, наткнувшись у двери на вопросительный взгляд собаки. – У меня много дел, и потом, ты же знаешь, у тети Ларисы невоспитанная собака, она тебе не даст покоя. Сегодня папа дома, ты останешься с ним.

Бусечка скорбно вздохнула и отвернулась – о, она тоже умела сделать Лину виноватой! На самом же деле зловредная

крохотулька была вполне довольна таким раскладом, потому что валяться по диванам и играть плюшевыми мышками ей нравилось гораздо больше, чем сопровождать хозяйку по всяким непонятным делам. Но, как и все умные йорки, эту свою маленькую тайну она держала при себе.

На цыпочках, как воришка, Лина спустилась на цокольный этаж... и обнаружила, что машины Сергея нет в гараже. Сердце у нее упало: по воскресеньям до чертиков уставший от трудовых будней муж отдыхал, превращаясь, как он сам выражался, в «ленивый кабачок» – валялся на диване, смотрел телевизор, вечером блаженствовал в своей любимой сауне, подняв температуру до невыносимости, а в бассейн напустив ледяной воды, в которую Лина боялась даже мизинчик сунуть. И вытащить его куда-либо было совершенно невозможно. «День ленивого кабачка» – это святое. Уйти, не сказав ни слова, – какое вопиющее нарушение правил!

С трудом пришедшая в себя Лина почувствовала, как ее запал гаснет, а кураж исчезает, будто воздух из дырявого шарика. Как же так? Это же она хотела демонстративно уйти из дома, чтобы ее искали, о ней беспокоились, а получилось...

– Ну и ладно, – постаралась встряхнуться «беглянка». – Тогда и я уеду без всякой записки, с чистой совестью! А телефон... Телефон забуду, да! Еще посмотрим!

Уже выехав из гаража, она не поленилась вернуться в дом и показательно «забыть» свой сотовый у зеркала в прихожей. Подготовительный этап тайной операции был завершен.

Впереди маячило долгожданное приключение, которое она намеревалась совместить с визитом к Лариске.

На своем «Лексусе» Лина доехала до окраины города, до трамвайного кольца. Выбравшись из теплого салона автомобиля на холод, она мгновенно промерзла до костей и, спустившись в подземный пешеходный переход, купила себе всего за пятьсот рублей длинный бордовый шарф с серыми монограммами «Louis Vuitton». На поверку оказалось, что шерстяной «нахальный самозванец» теплый и приятный на ощупь. Замотав его вокруг шеи, Лина сразу согрелась и повеселела: за такой вот шарфец где-нибудь в Милане ей пришлось бы выложить гора-а-аздо больше денег. Однако жизнь постепенно налаживается!

Пока Лина возилась с шарфом, толпа на остановке значительно выросла. Слава богу, через несколько минут подошел тринадцатый, который, как она выяснила заранее, ей и был нужен. Лина удачно плюхнулась на свободное место – успела! – и испытала по этому поводу давно забытое чувство радости от маленькой победы над судьбой. Сколько же лет она не ездила на трамвае?! Пожалуй, с тех пор, как муж купил ей ее первую машину, а это было, когда Андрюшке исполнился год. Теперь он уже в седьмом, и через месяц ему будет пятнадцать. А они уже давным-давно живут в загородном доме в поселке под названием Чистые Ключи, и общественный транспорт ушел из их жизни.

– Ваш билетик? – нависла над ней кондукторша, пожилая

дама в растянутой вязаной кофте.

– Да, конечно, – засуетилась Лина. – А сколько стоит?

– Восемнадцать, – сообщила кондукторша и посмотрела, кажется, осуждающе. В ее глазах без труда читалось рассуждение типа: «Взрослая тетя, а не знает таких вещей, будто с Луны свалилась. Во всех газетах уже месяц орут, что с нового года тариф повысят до двадцати трех рублей, спорят, даже в суд кто-то на кого-то подал».

– Я не из Екатеринбурга, – зачем-то соврала Лина, будто оправдываясь. Ей очень хотелось показаться своей в этом ненадолго образовавшемся трамвайном сообществе.

Кондукторша кивнула, молча выдала ей билет. Суровое лицо женщины осветил лучик улыбки – хозяйка трамвая свято чтит законы гостеприимства.

– Вам до куда ехать-то?

– Торговый центр «Кристалл», – робко созналась Лина.

Но кондукторша уже смягчилась и взяла шефство над «непутевой»:

– Ну, это далеко еще, по левую руку увидите, или я вам скажу.

– Спасибо! – громко поблагодарила Лина и уселась поудобнее. Потом подняла шарф повыше и спрятала лицо, чтобы скрыть глупую улыбку. Ее давно возникшая мечта начала осуществляться.

Затаенная мечта Лины заключалась в том, чтобы бесцельно прокатиться на трамвае. Простое желание ехать, слушать

вполуха чужие разговоры, сквозь запотевшее окно смотреть на мокрый осенний город, занятый своими делами. И представлять, что вот это и есть ее жизнь, та самая, которая ей предстояла, не вытяни она свой счастливый билет. И еще... еще отчего-то хотелось вспомнить ту *радость*, которую раньше вызывали самые простые вещи, вроде свободного сиденья в переполненном трамвае или килограмма свежих мягких пряников, купленных к чаю.

Когда у нее вдруг несколько месяцев назад возникла эта странная идея, Лина чувствовала себя немного виноватой, выстраивая этот разговор с собой: и в самом деле, с жиру бесится. Все есть, так ей *радости* подавай. Не хочу быть вольною царицей, а хочу быть владычицей морскою! Обдумывая свое «путешествие», Лина заранее расписывалась в своей глупости и признавала, что идея была никчемная, пустяковая, не ее масштаба. Потому и откладывала.

На остановке возле «Кристалла» Лина вышла и, поколебавшись, решила сперва зайти в магазин, чтобы в кондитерской на первом этаже купить что-нибудь к чаю и конфет в подарок мальчишкам, родители их не особо балуют. «Кристалл», в котором она никогда не бывала, вверг ее в легкий шок. Посреди зала между эскалаторов возвышалось гигантское пластиковое дерево в четыре этажа, увешанное невероятных размеров листьями, а также джинсами, кофточками, сумками и игрушками. Под платформой, на которой было

установлено чудо-дерево... бил фонтан и журчал водопад, и Лина едва удержалась от смеха, увидев этот шедевр дизайнерской мысли. Но другие воспринимали его именно как шедевр, не иначе, – ходили кругами, любовались, ахали восхищенно, фотографировались «на фоне». Вокруг водопада стояли скамейки, их оккупировали целующиеся парочки и мамы с колясками, не идти же им на холод, в самом деле! Детей постарше катали на панорамных лифтах и эскалаторах, играла музыка, в «бутиках» предлагали солидные скидки, и, судя по всему, жизнь здесь была ключом!

Поддаваясь этой всеобщей радости и предвкушению, Лина совершенно неожиданно для себя отправилась в «Макдоналдс» и купила бигмак и кофе в картонном стаканчике. Она, между прочим, еще не завтракала. Каково же было ее удивление, когда давно презираемый ею гамбургер оказался вкусным, и кофе был тоже не растворимый, а настоящий! Отведав фастфуда, Лина долго бродила по этажам от витрины к витрине, рассматривая смешные ценники и смешные вещи. Наконец она устала, и, купив у сидевшей в будке-стаканчике девушки коктейль с клубничным сиропом за тридцать пять рублей, присела на лавочку возле фонтана, где случайно обнаружила свободное местечко.

Расположившийся по соседству молодой папаша тщетно укачивал орущего младенца, пытаясь одновременно дозвониться до погрязшей в шопинге супруги. Но сотовая связь в магазине была нестабильной – очевидно, как раз для таких

вот случаев. На следующей скамейке дремал мужчина в явно зимней куртке и вязаной шапочке, натянутой до бровей. С другой стороны сидела полная тетка в растоптанных сапогах. Взмыленная от беготни по магазинам, она совсем выбилась из сил и была раздражена, время от времени недоброжелательно косилась на Лину с ее коктейлем.

– Извините, – зачем-то пробормотала Лина, обращаясь к тетке. И вдруг осознала, что переутомилась от этой кутерьмы, от непривычно большого количества людей – в трамвае, в кафе, в магазине. Став жительницей элитного района города, она давно сама выбирала себе магазины и привыкла к полупустым торговым залам, где предупредительных продавцов и вышколенных охранников всегда больше, чем покупателей. Незаметно для себя Лина привыкла к уютной стильной обстановке тихих дорогих ресторанчиков, к безопасному замкнутому пространству своего автомобиля, где никто не потревожит, не заденет локтем. К тому же она вдруг почувствовала, что от сидящего рядом мужчины в вязаной шапочке разит потом и дешевыми сигаретами. А на лавочке напротив парень с девчонкой целуются взасос, да так беззастенчиво и нагло, что все посетители торгового центра отводят глаза. Да и тетка все еще смотрит на нее пристально, вызывая и как-то брезгливо. «Так, пора заканчивать с экспериментами», – Лина решительно встала. Забытый стаканчик с теплым клубничным коктейлем упал, покатился, мгновенно образовалась бело-розовая лужа. Тетка фыркнула, состав-

вив о Лине окончательное мнение, и отвернулась. Мужик в шапке поджал ногу, чтобы молочный ручеек не достал до его дырявого и грязного ботинка, и посмотрел на смутившуюся Лину с отвращением. Парень оторвался от девчонки, показал на стаканчик пальцем и заржал гулким басом, как будто увидел что-то очень смешное. Девчонка глянула вскользь и немедленно притянула его обратно. Лина выскочила из магазина и со всех ног помчалась через дорогу к старенькой панельной пятиэтажке, где жили Белкины.

– Галка, привет! Вот уж не ожидала! Молодец, что выбралась, я по тебе уже соскучилась! Сколько мы не виделись? Ой, я уж тоже не помню! А я как раз все прибрать успела и даже шарлотку сделала! У меня такая шарлотка – пальчики оближешь. Хочешь, я тебе рецепт дам? Только таких яблок, какие у моих растут, ты нигде не купишь, а я тебе и яблок дам, у нас в Бобровке нынче такой урожай... – Лариска, как всегда, тараторила, сама себе задавая вопросы и сама на них отвечая. – Проходи-проходи! Ой, ты опять похудела, что ли? Как я тебе завидую! Меня вот ничего не берет, никакие диеты. Слышала анекдот: «Дама сидела на диете, диета кряхтела и попискивала» – умора, да? Вот и моя попискивает.

Из всего потока приветственной речи Лина обратила внимание только на «Галку». Так ее звали только старые знакомые, для новых она уже давно укоротила деревенское, как ей казалось, имя Галина, которым ее по странной прихоти наградили родители, на куда более современное и приятное –

Лина. Но Лариске, пожалуй, об этом говорить не стоило: не поймет, еще и хихикать будет. Поморщившись, Лина выкопала из предложенной хозяйкой груды разномастных тапок наименее, как ей показалось, ношенные, обулась и прошла в гостиную. У себя дома она гостям разуваться не предлагает, а если желающие все-таки находятся, для них есть специальные идеально новые.

В гостиной она устроилась на диване, стараясь не побеспокоить развалившегося там толстого кота и время от времени отпихивая от себя подальше здоровенного пса Ричарда породы двортерьер, который в радостном возбуждении пытался расцеловать гостью. Огляделась по сторонам: в комнате, давно нуждавшейся в ремонте, кажется, за последние двадцать лет ничего не изменилось – ни мебель, ни вещи, ни многочисленные фотографии на стенах. Все возможные поверхности – крышки столов, сервант, телевизор, полки – были завалены невообразимым хламом: книгами, газетными вырезками, рисунками, безделушками, яркими коробками из-под конфет и печенья, какими-то квитанциями и непонятно чем еще. На книжных полках теснились детские поделки, которые мальчишки мастерили, наверное, еще в детском саду.

– Жаль выбрасывать, рука не поднимается, – развела руками Лариска, заметив, как Лина провела пальцем по пыльной спине стоявшего на письменном столе кособокого глиняного крокодила, который был отчего-то фиолетовый, в

желтых и белых пятнах. – Вот это чучело Пашка делал в кружке, когда во втором классе учился, принес домой, так гордился. А мелкому тогда лет пять было, ему надоело, что все старшего брата хвалят, взял и выкрасил зверюгу. Ой, такой крик был, такой скандал, чуть до драки не дошло. Ну и что – выкинуть такого красавца? Жалко!

– Как у Толи дела? – поинтересовалась Лина, чтобы перевести разговор с ненормального крокодила на что-нибудь другое.

– Да ничего вроде, работает с утра до ночи, еще хуже стало, как заведением стал. Разница в зарплате небольшая, зато теперь за все и за всех отвечает. Беда! – отмахнулась Лариска. – Он же ненормальный с этой своей работой. Если б не мы, он бы там и ночевал, в больнице.

– А твои родители так все на даче и живут? – поинтересовалась Лина, она никогда не понимала, как шесть человек могут сосуществовать в крошечной трехкомнатной хрущевке, да еще и завести кота с собакой.

– Им там хорошо! Вообще зимовать хотят. Все-таки вшестером тут тесновато. А там Толя с отцом дом утеплили, мальчишки им помогали – все лето возились, – скороговоркой отчиталась Лариса и немедленно перешла к тому, что ее интересовало. – А ты как? Какие новости?

Лина добросовестно рассказала о своих делах, подробнее останавливаясь на самом, по ее мнению, интересном для Ларисы – презентациях. На минувшей неделе самым пафосным

был, пожалуй, ужин в отеле «Хайят» по поводу первого дня рождения бутика швейцарских часов, а самым оригинальным – праздник в автоцентре в связи с началом продаж новой версии «Ауди». На ужине играли в лото, победители получали в подарок часы: смешно – навороченный швейцарский «Breguet» за русские «бочонки». А в автосалоне вся вечеринка была в черно-белом стиле: черно-белые авто, черно-белый дресс-код для гостей, черно-белая посуда на фуршете и даже парочка черно-белых далматинцев для антуража. Фото на память и для глянцевого журнала – тоже черно-белые. Получилось очень стильно и необычно.

– Ой, как интересно! – Лариска слушала, открыв рот, в ее глазах горело восхищение. – Как я тебе завидую, Галка! То одно, то другое... А у меня – дом, работа, дом, работа, как белка в колесе. Дал же бог фамилию, да? А дети какие трудные стали – ужас! Правда, родители еще хуже – такие нервные...

Лариса вела кучу каких-то кружков в городском Дворце творчества детей и молодежи и работу свою, в общем, любила, почитая за ней только один недостаток – несерьезную зарплату. Но Лину ее успехи на ниве дополнительного образования не интересовали, и дальше их беседа потекла как по нотам, будто два опытных пианиста играли этюд в четыре руки: Лина рассказывала, поощряемая вниманием подружки, честно стараясь не удариться при этом в примитивное хвастовство, Лариска охала, ахала и восхищалась, будто смот-

рела телесериал. Последним пунктом беседы Лариска обычно очень смешно расспрашивала про бассейн в их доме: она все никак не могла поверить, что в обычном доме для одной семьи может быть бассейн – «как в кино». Лина так же привычно пригласила ее «как-нибудь приехать и самой посмотреть», обе при этом знали, что и эта реплика – дежурная, ради вежливости. Потом была съедена шарлотка, вручены вещи, на чем программа визита была, в общем, исчерпана, и Лина засобиралась домой. Настроение у нее после разговора с подругой значительно улучшилось.

– Кстати, забыла тебе сказать, – уже в прихожей спохватилась Лариса. – Ты знаешь, кто тебе привет передавал?

– Кто? – заинтересовалась Лина. У них давно уже не было никаких общих знакомых.

– Плюсик!

– Плюсик? – удивилась Лина. – Валька, что ли? А где ты его выкопала?

– Мы с ним теперь часто видимся. Он на мужа как-то вышел по работе, уж года три назад, наверное: Валя то деньги давал для больницы, то праздники там помогал организовывать. Толя мне про него все рассказывал-рассказывал, а потом уже встретились как-то, и оказалось, что это наш Валька. Он такой смешной стал, лысый – и с хвостом, представляешь? – смеялась Лариска, очевидно, с удовольствием вспоминая встречу с Валькой Плюсниковым, еще одним членом их детской дворовой компании.

– И чем он теперь занимается? – заинтересовалась Лина богатой на выкрутасы биографией старого знакомого. – Я его сто лет не видела.

– Умрешь от смеха, – пообещала Лариска. – Он теперь в ветклинике работает, а на визитке у него знаешь что написано? Нет, погоди, я тебе покажу!

Лариска метнулась в комнату, чем-то там пошуршала, что-то уронила и наконец вернулась в прихожую, неся в вытянутой руке зеленый прямоугольник.

– «Ветеринарный центр «Хэппи дог», Плюснин Валентин Андреевич, зоопсихолог», – с удивлением прочитала Лина.

– Ничего себе, да?! Забери себе, у меня еще есть, – захихикала Лариска. – Ну ты же знаешь Плюсика, он вечно что-нибудь такое выкинет – хоть стой, хоть падай! А теперь у него собачий театр. Вот из нашего барбоса артиста сделал. Ричард, иди сюда! Не лезь к Лине, охламон! Сидеть! Сидеть, я сказала!

Не ожидая ничего интересного от невоспитанного беспородного пса с совершенно не подходящей ему «царственной» кличкой и уже жалея, что визит слишком затянулся, Лина вежливо улыбнулась и стала надевать куртку.

– Погоди-погоди, мы тебе что-то покажем! – продолжала улыбаться Лариска. Она повернулась к собаке и заговорила громко, с выражением, хорошо поставленным «дикторским» голосом: – Но тут Волк увидел Красную шапочку...

Ричард вскочил и наострил уши.

– ...он подумал – какая вкусная девочка, надо ее съесть! – продолжала Лариса.

Ричард насколько раз облизнулся и подошел поближе, в глазах застыло напряженное внимание.

– Он подбежал к ней и сказал: «Здравствуй, Красная шапочка!» – тем же многозначительным голосом произнесла хозяйка.

Ричард оглянулся, подумал, потом подошел к Лине и подал ей лапу, здороваясь. Она пожимать не стала, только улыбнулась.

– Ричи у нас Волка играет, страшно – аж жуть! – похвасталась Лариса. – Понимаешь, Валя придумал в больницу, где муж работает, животных приводить. Там дети со всей области, лежат подолгу, некоторых и не навещают даже – вот они к ним и приводят собак и кошек, только не злых, чтоб их гладить можно было. Попугая привозили, кроликов, черепаху, хомячков всяких. Но собаки, конечно, лучше всего, они же общаются как люди. А потом просто так посещать деток надоело, так животным роли в небольших сказочных сценках придумали – ничего особенного, конечно, простенькие, но дети хохочут до слез. Мы с Ричи туда как на работу теперь ходим, ему ужасно нравится – и аплодисменты, и вкусненькое дают. А Красная шапочка – мальтийская болонка! Только он – мальчик, но детям же невдомек. Такой артист, ты не представляешь! А как поет – все со смеху покатываются! Только он заболел, на правую заднюю лапку уже неделю хро-

мает. Валя обещал подлечить, у него там в клинике и рентген есть, и все такое, как у людей, честное слово! Ой, слушай, Лина, а твоя собачка жива-здоровая? Не хочешь с нами, а? А то мы еще в детский дом обещали, но пока срывается.

Она смотрела на Лину с безумной надеждой – вот дурочка.

– Н-нет, наверное, у нас не получится, времени нет, – объяснила Лина и незаметно повела плечами, представив, что чужие дети будут теревить ее Бусечку и хохотать над ее нарядами. Но Бусечка же не дурень Ричи, она же все понимает, она обидится смертельно! – Да и Буся нервная очень, с детьми не ладит, у нас же в доме маленьких детей нет.

– Ну да, конечно, это я так спросила, – сразу сникнув, откликнулась Лариска. – Я же понимаю, у тебя собака дорогая, породистая. В общем, привет я тебе передала, как и просили. За вещи спасибо еще раз. Пока! Звони, не пропадай!

Смеркалось. Лина вышла из подъезда в обволакивающую темноту, с удовольствием вдохнув свежий прохладный воздух. Подумала, не заехать ли к родителям, но, взглянув на часы, решила, что сделает это в другой раз. Неподалеку дымили трубы большого завода, и люди друг за другом выходили из дверей, наверное, шли со смены. Рабочих было много: усталые, в однообразных темно-синих костюмах, с одинаково равнодушными лицами, казалось, они изнурены тяжелым физическим трудом. «Странно, ведь сегодня воскресенье, у них тоже должен быть выходной, – подумала Лина. – А еще

говорят, что заводы встали и всех увольняют. А предприятия-то, оказывается, действуют, и трубы дымят, и люди на них работают даже в воскресенье». Эта другая, странная, тяжелая сторона жизни монотонного серого цвета – оказывается, и она есть. Многотрудная жизнь обыкновенных простых людей стала незаметной, неинтересной: про нее перестали снимать кино и петь патриотические песни про «заводскую проходную», а стали делать сериалы про ментов и бандитов, про глянец и офисный планктон...

Стоя на остановке, куда все подходили и подходили люди, Лина пожалела, что не поехала на машине. Поймать бы такси, но дорога далеко от трамвайной линии, а идти обратно к магазину не хотелось. Ладно, доиграем в игру до конца, подбодрила себя Лина. Подошедший трамвай брали с боем. Первыми ворвались мужчины и заняли ободренные сиденья, тут же прикрыли глаза и немедленно провалились в «глубокий» сон. В тусклом свете казавшиеся изможденными женщины безмолвно встали рядом, вздыхая, перекладывая из руки в руку тяжелые пакеты. «Наверное, здесь, в большом магазине, продукты дешевле, – догадалась Лиина. – Вот они и тащат авоськи через полгорода». В полном вагоне сразу стало влажно и душно. Какой-то парень плюхнулся на место кондуктора и тут же принялся жадно тянуть пиво из жестяной банки. На Лину в ее легкомысленной яркой курточке смотрели косо, старались не задевать лишний раз, но не бережно, а презрительно как-то. Через две или три остановки

вошел мальчишка лет тринадцати со свистулькой и принялся свистеть. Звук был громкий, свербящий. На парнишку тут же набросились:

– Прекрати! Что ты нервы мотаешь!

– Он чокнутый, я его знаю!

– Я сейчас водителю скажу, он с тобой разберется!

– Психиатра надо вызвать!

– Вам самим вызвать! – вдруг заорал парень и опять принялся свистеть. Глаза у него и вправду были сумасшедшие.

– Я те щас башку разобью! – разошелся мужик, стоявший, впрочем, в отдалении.

– Чего вы пристали к парню, больной же человек, – тихо сказал кто-то.

– Больной! Он вчера камни в стекло кидал, а вы его защищаете, – огрызнулась кондукторша. – Милицию вызывали – и что? Они сказали, что закон теперь психов защищает, а не нас.

Все сразу замолчали. На следующей остановке парень, не переставая свистеть, вышел из вагона. Лина тоже вышла. Она не могла больше оставаться в этой обстановке давки, духоты и агрессии. Поймала такси, доехала до конечной тринадцатого, с трудом сдерживаясь, чтобы не нахамить не в меру общительному водителю, который считал своим долгом развлечь игривой беседой хорошенькую дамочку.

Забралась в свою машину и несколько минут просидела, сжавшись в комок. Почему-то ее трясло от озноба, хотя в

такси было тепло, даже жарко. Включила музыку – свой любимый «Пьяццолла-квинтет». Нынешнее радио она не признавала и под тихое урчание мотора наконец расслабилась, откинула спинку водительского кресла и закрыла глаза.

Что ж, эксперимент окончен. Глупые идеи – к черту! Там, куда она так долго хотела попасть, ничего хорошего нет. Пора домой. До-мой. Дома тепло, уютно и комфортно – не то что у Лариски, где вечно не прибрано и все топчутся друг у друга на голове. Господи, они еще и собаку завели! У нее, Лины, есть все, о чем такие, как Лариска, могут только мечтать: налаженная жизнь, собственный дом, успешный муж. Ей не приходится работать, чтобы принести в дом лишнюю копейку. В конце концов, все, что она считает своим миром, что любит и ценит, создал для нее ее Сергей: он работает как проклятый, чтобы жена и сын не знали бытовых трудностей. В отличие от того же Толика, который прозябает в детской больнице и совершенно не заботится о финансовой стороне жизни семьи. Бьется как рыба об лед в этой своей дыре, вместо того чтобы устроиться еще на одну работу и подзаработать денег или пробиваться в частную клинику, как делают все хорошие врачи. Да еще и устраивает дурацкие цирковые представления на пару с Плюстиком, вот уж кто всегда был клоуном на общественных началах, еще со времен университетских кавээнов. Вот Сергей никогда не позволяет себе выглядеть глупо или тратить время на ерунду.

Да, дома ее ждут муж и сын. Ждет маленькая преданная

Буся. Ей, Лине, можно только позавидовать. А все остальное... что ж, проблемы бывают во всех семьях, надо быть сдержанной и терпеливой, поменьше думать о плохом и не накручивать себя. Все обязательно наладится. Иначе просто быть не может.

– Лина! У тебя совесть есть? – набросился на нее Сергей, как только она зашла в дом. – Ушла на целый день, телефон не взяла, что я должен думать?!

– Ничего ты не должен думать! – весело перебила его Лина, не выпуская из рук дрожащую от счастья по поводу ее возвращения Бусю. – Я большая девочка, ты же сам говорил, что я могу гулять где хочу. Вот я и гуляла. Наслаждалась свободой. И потом, ты же тоже уехал, не сказав ни слова.

– Понятно, – сразу сменил интонацию муж. – Гуляй, кто против? Я – за. Возьми телефон и гуляй. Только ты просто гуляй, а не мне в отместку. Я тебе звонил весь день.

– Сереж, да я не то хотела сказать, – миролюбиво объяснила Лина. Ссора совсем не входила в ее планы, напротив, она только что решила любой ценой сохранять мир в семье. – Правда, захотелось съездить по магазинам, заодно старые вещи Андрея Лариске Белкиной отвезла.

– Слушай, может, ты зря это? В смысле, что ты им свой «секонд-хенд» таскаешь? Они оба работают... – неожиданно заметил муж.

– Ой, работают! – пренебрежительно фыркнула Лина. –

За работу платят деньги, а за их зарплату это так – хобби. Лариска в своих кружках пропадает, а Толик в больнице дурака валяет, собачий театр себе завел...

Смеясь, она рассказала мужу о больничном цирке и о предложении принять участие в антрепризе, которое сделали Бусе. Но Сергей опять отреагировал неожиданно.

– Молодец Толя! – восхитился он. – Я вчера как раз по телику видел, не то в Москве, не то в Питере. Там клоуны по детским больницам ходят. Так их специально перед этим готовят, потому что не каждый сможет там... шутить. А ты что сказала про Фроську-то?

– Сережа, ну что я могла сказать? – удивилась Лина. – У них Ричи – такой дубина, ему хоть в больницу, хоть в зоопарк. Буся Андрюшку-то с трудом терпит, йорки вообще детей не очень любят, а тут совсем чужие будут ее теребить. Она с ума сойдет! Что ты сравниваешь?!

– Я сравниваю... – пробормотал Сергей. – Я не сравниваю.

– А ты где был целый день? – подсела к нему Лина. – Сегодня же «День кабачка», а ты ушел.

– Я машину в автосервис отгонял, царапину твою убирали, – вдруг зло ответил муж. – Сказать, во сколько мне это обошлось? Или не надо?

– Ну, Сережа... Давай не будем про это, ладно? – взмолилась Лина, заботливо погладив испуганно отпрянувшую Буську, и даже удивилась про себя – как это всегда Сергей

умеет настоять на своем и выйти правым из любой ситуации, опять сделав виноватой Лину?

Супруги немного посидели молча, но темы для разговора, как обычно, не находилось – во всяком случае такой, чтоб не спровоцировать очередную ссору.

– Между прочим, я завтра в Москву улетаю, – произнес Сергей.

– Что так срочно? – удивилась Лина.

– Не срочно, а просто забыл сказать. Не до того было.

– И надолго?

– До четверга. А если не успею, то в субботу вернусь.

– Что-то случилось?

– Почему сразу случилось? Просто дела накопились, надо там порешать.

– Ну, что поделаешь... А хочешь, я пирог с яблоками испеку? – вдруг вдохновилась Лина. – Мне Лариска рецепт дала и еще яблок насовала из своего сада, как будто у нас яблок нет. Но она меня и слушать не стала, говорит, свои пахнут лучше магазинных. Хочешь? А Андрей дома? И он поест!

– Давай, – радостно закивал Сергей. – Я вообще-то люблю, когда пирогом с яблоками пахнет. Знаешь, мама всегда делала шарлотку, да еще добавляла малинового варенья и потом взбитых сливок. М-м! Вкуснотища, аж слюнки бегут! А у тебя получится?

– Насчет взбитых сливок не знаю, у нас их и нет, наверное, – слегка обиделась его ярким воспоминаниям Лина. –

У Лариски другой рецепт, без сливок. Но я пробовала – вкусно. Получится, конечно, я же готовила раньше, пока Елена Степановна не появилась. Ты хвалил.

– Когда это было! – засмеялся Сергей и вдруг чмокнул жену в щеку. – Ну, давай, пеки свой пирог. Мы с Андрюхой обязуемся съесть все без остатка. Если будет съедобно, конечно.

– Ах так?! – Лина вскочила и сделала вид, что хочет хлопнуть его подвернувшимся под руку полотенцем.

Муж отпрянул, увернулся, но уронил стул. Лина засмеялась, Буська изо всех сил залаяла, а Сергей стал ее передразнивать. Пару минут спустя на шум явился Андрюшка – посмотреть, что случилось. Да так и просидел тут, помогая чистить яблоки и взбивать сметану, до тех пор, пока по дому не поплыл запах печеных яблок и сладкого теста. Пирог и вправду получился отличным, не хуже Ларискиного, и они долго пили на кухне чай и разговаривали о всяком-разном.

...В общем, вечер удался, думала Лина, загружая тарелки в посудомоечную машину. Они давно так не сидели. Надо будет позвонить Лариске, сказать спасибо за рецепт. Или ладно уж, не надо звонить, а то опять привяжется со своим спектаклем.

Ночью Лина спала беспокойно, все время просыпалась. Ей снились бесконечные больничные коридоры, по которым она на ощупь шла неизвестно куда и зачем. Откуда-то она

знала, что опаздывает, и это было очень плохо: чтобы успеть, ей приходилось двигаться быстро, почти бежать. Едва дыша от скорости и страха, она путалась в хитросплетениях обшарпанных узких коридоров, длинных лестниц и темных переходов. Дорогу спросить было не у кого – в больнице было пусто, а все двери почему-то были закрыты. К тому же она все время слышала, как где-то шумят голоса и отчаянно лает Буся, но найти это место никак не могла. Сердце билось, как птица в клетке. В пять она проснулась оттого, что Сергей поднялся.

– Сережа, а можно я тебя в аэропорт отвезу? – зевая, попросила она.

– Чего это вдруг? – удивился муж. – Меня водитель отвезет. Ты спи давай. Всю ночь чего-то ворчала, крутилась, дергалась.

– Не хочу спать, мне все время один и тот же дурацкий сон снится. Давай я тебя отвезу, я люблю в аэропорт ездить. Особенно когда дорога пустая. А потом вернусь и спать лягу.

– Ну ладно, – не стал спорить муж, – прокатись, если хочется. Только тогда давай побыстрее, через сорок минут надо выехать.

Лина вскочила и побежала в ванную. Ее слегка пошатывало – очевидно, с непривычки к таким ранним и быстрым подъемам. Отражение в зеркале ее тоже весьма озадачило: глазки-щелочки, под щелочками – мешочки, малозаметные, но все же. На щеке – отпечаток подушки, волосы дыбом.

«Как это, интересно, люди умудряются на работу к девяти приходить и при этом прилично выглядеть?» – подумала Лина и поздравила себя с тем, что она от этой участи избавлена. «Между прочим, – продолжала она рассуждать, старательно работая зубной щеткой, – я всегда плохо вставала по утрам: вечно тошнило, кружилась голова, болел живот. Поэтому школу я ненавидела, особенно остро – на первом уроке. А учась в университете, первую пару стабильно прогуливала, какими бы карами это ни грозило, хотя в остальном была почти примерной студенткой». Помнится, родители называли это ленью. Сама Лина, тогда еще Галя, – особенностью организма, и когда гораздо позже узнала о существовании «сов» и «жаворонков», получила теоретическое подтверждение своим догадкам.

Так, волосы мыть не будем, а то укладка займет полчаса. Немного пенки и гладкий хвост – для половины шестого утра вполне приемлемо. А вот без косметики не обойтись, а то, если в аэропорту вздумают проверять паспорта, она будет не похожа на свою фотографию. «Между прочим, своей природной склонности к лежанию в кровати до одиннадцати часов, а лучше – до полудня, я обязана тем, как сложилась моя жизнь», – размышляла Лина, состроив глупую гримасу, которой непременно сопровождается окрашивание ресниц, – черт знает почему. Поработав три месяца после окончания университета и получив несколько предупреждений и один выговор за опоздания, она поняла, что за дело надо брать-

ся всерьез: на нормированный рабочий день у нее самая настоящая аллергия, вплоть до высыпаний на коже, не говоря уже о знакомых со школы тошноте и головокружениях. Но относительно свободный график выпускнице биологического факультета не светил ни с какой стороны. Такое редкое счастье выпадает писателям, журналистам... на этом ее фантазия заканчивалась. Молодой специалист Галя пребывала в жизненном тупике, продолжая собирать замечания и обещания «уволить», пока не догадалась расширить вожаделенный список вольных работников до третьего пункта, прибавив к нему профессию домохозяйки. Как раз в те времена слово «домохозяйка» стало стремительно терять свой пренебрежительный смысл, приобретая взамен его приятный уху гламурный оттенок. И Галя решила, что именно это и будет отныне ее призванием. Для приобретения новой профессии требовался отнюдь не диплом, а всего-навсего дом, где она могла бы быть этой самой хозяйкой. Дом и муж, который бы этот самый дом для нее построил.

– Лина, ты передумала меня везти? – постучал в дверь Сергей. – Полчаса уже прошло! А шоферу я уже перезвонил, чтоб не ехал. Так что вылезай, раз сама напросилась.

– А я уже иду! – пропела, выходя из ванной супруга.

Умытая, причесанная и покрашенная, из ванной вышла если не нимфа, то совершенно другая женщина, разительно непохожая на ту, которая полчаса назад туда вошла. Сергея всегда искренне завораживало это волшебное превращение.

Проходя мимо, она кокетливо чмокнула в щеку глазающего на нее мужа и посмотрела на него снисходительно сквозь густые реснички. Сбросив халатик, нимфа принялась натягивать белье, джинсы и водолазку, краем глаза отметив, что дорогой супруг никуда не делся, несмотря на свою якобы занятость. Стоял и подсматривал, как школьник. «Ну и на здоровье, не жалко», – развеселилась Лина.

– Бусечка, ты с нами? – уже одевшись, поинтересовалась она у дремавшей на кровати собачки.

Но Буся, относившаяся к утренним вставаниям еще хуже, чем ее хозяйка, даже головы не подняла.

– Фрося с возу – машине легче! – хмыкнув, прокомментировал ее выбор Сергей. – Поехали уже!

Ехать по недавно построенной восьмиполосной дороге в аэропорт, особенно утром, когда машин еще мало, и в самом деле было удовольствием – шестнадцать километров с ветерком по Европе. Радуюсь свободе, скорости и плавному, шуршащему ходу автомобиля, Лина включила музыку, на этот раз Сезарию Эвора.

– Сережа, а давай на Рождество не на острова поедem, а в Париж? – с жаром предложила она. – Или в Прагу? Помнишь, как мы там гуляли под Новый год, глинтвейн на улицах пили и эти ели – оладьи картофельные... как их?

– Не помню, – охладил ее пыл Сергей, который сосредоточенно вглядывался в мелькающий за окном пейзаж. – Не

хочу в Европу. Погреться хочу. А то снег на полгода скоро зарядит. Да и заплачено уже, к твоему сведению, так что готовьте ласты, мадам.

– Брамбораки! Точно, брамбораки! – с удовольствием смаковала смешное слово Лина. – Те же драники, между прочим. Слушай, Андрюшка драники любит, надо сделать.

– Попроси Елену, она приготовит, – пробормотал Сергей. – Туман какой, хоть бы улететь нормально.

Лина сразу почувствовала, что у мужа изменилось настроение, и замолчала. Вопросов задавать не стала, понимая, что он наверняка уже мыслями не здесь, а в Москве, где ему предстоит несколько дней напряженной работы. До аэропорта они домчались за считанные минуты. Сергей быстро поцеловал ее, прощаясь, пообещал звонить и заторопился – до вылета оставалось сорок минут, заканчивалась регистрация. Они решили даже не тратить время на оплату парковки возле терминала, Лина только притормозила перед шлагбаумом, и муж вышел. Помахал рукой, глядя, как она разворачивается, и в зеркало заднего вида Лина увидела, что он, смешно скользя по утреннему льду, побежал к сияющему огнями зданию аэровокзала.

На часах было половина седьмого, чернота осенней ночи уже уступала место утренним сумеркам – промозглым и бледным, как и стелившийся по краям дороги белесый туман. И Лине вдруг ужасно захотелось убежать от этой сонной серости, вернуться в аэропорт, выпить чашку горячего

душистого кофе, съесть горячий хрустящий круассан. Просто побыть среди людей, в красивом, чистом, освещенном сотнями ярких огней пространстве, понаблюдать со стороны за суетой пассажиров и нетерпеливым волнением встречающих... В конце концов, она только что проводила мужа в командировку и теперь может с чистой совестью воспользоваться его же советом и насладиться временной свободой! Она опять развернулась и уже не спеша поехала к парковке перед аэровокзалом.

В небольшом кафе ей сварили отличный кофе, на роль круассана вполне сгодилась свежеиспеченная булочка с корицей. «Надо сегодня непременно пойти в спортзал. В одиннадцать как раз занимается группа бодифлекса, – лениво подумала Лина, – а то на обед – шарлотка, на ужин – шарлотка, на завтрак – булочка, так недолго и до Ларискиных габаритов дорасти». Вокруг кипела полноценная жизнь без поправок на раннее утро. Бодрый голос диктора объявлял названия рейсов, и ей тоже вдруг очень захотелось куда-нибудь полететь. Хоть бы вот и в Москву, с Сергеем. А что? Она давно не была в Москве. Сходить в музей, в театр. Просто погулять по осенней столице. Впрочем, гулять одной неинтересно. Надо будет и вправду вытащить Сережу в Европу, хотя бы на майские. Причем уехать вдвоем, без Андрюшки, его все равно разглядывание архитектурных шедевров не особенно привлекает. В Праге, например, они всегда живут в одном и том же отеле с бассейном, где так приятно поплавать после

целого дня пеших прогулок. А по вечерам они, как молодые влюбленные, ужинают в лучшем ресторане отеля, при свечах, и всегда играет на рояле один и тот же старенький пианист. Вдвоем им будет здорово... От таких приятных воспоминаний ехать домой спать совершенно расхотелось. Лина еще раз прошлась по периметру недавно реконструированного здания аэровокзала, изучила ассортимент всех бутиков и даже купила себе пару детективов, чтобы почитать перед сном. Надо же использовать преимущества свободы на все сто процентов!

Пора уходить. Но тут она вспомнила, что на втором этаже аэровокзала недавно открылась арт-галерея современного искусства «Иллюминатор». Лину приглашали на открытие, но она пропустила торжество – была в тот день чем-то занята. Да и мелкогато, честно говоря, было мероприятие: из тех, на которых журналистов бывает больше, чем приличных людей. А теперь, раз случай подвернулся, отчего же не зайти?

Поднявшись на второй этаж, она попала в необыкновенно приятное пространство, где мягко струился приглушенный свет, а людей почти не было. Картины висели на уровне человеческого роста, слегка покачиваясь от сквозняка. Лине показалось, что они парят в воздухе, плавно и медленно, как гигантские рыбины, словно они не прикреплены рабочими к потолку при помощи монтажных крюков и длинных, почти невидимых шнуров. Кураторам проекта удалось

собрать произведения искусства, созданные художниками из разных стран, – картины и фотографии в форме круга (то бишь иллюминатора). Правда, огромного, метр с небольшим в диаметре. Лина в одиночестве бродила среди кругов, работы оказались весьма и весьма интересными. Из одного «иллюминатора» был виден земной шар, из другого – океанские волны, в третьем мчались по саванне испуганные длинношее жирафы, а четвертый представлял собой нечто черно-белое, абстрактное, Лина даже остановилась на несколько минут, озадаченно рассматривая изображение. Картины-круги занимали весь второй этаж, служивший одновременно переходом из терминала внутренних рейсов в международный. Пройдя вдоль ряда картин от начала до конца, Лина стала спускаться по лестнице. Внизу тонкой змейкой вилась очередь на регистрацию рейса на Прагу. «Как раз на Прагу, – обрадовалась совпадению Лина. – Значит, точно поедем с Сергеем на майские!» Опять вспомнив про брамбораки, она улыбнулась... и замерла на середине лестничного пролета.

Возле самой стойки регистрации она увидела Сергея. А рядом с ним стояла – Лина не поверила своим глазам – та самая молодая женщина, с которой она видела его в парке, стройная миниатюрная блондинка, внешне чем-то похожая на саму Лину. Проходящая регистрацию парочка о чем-то разговаривала: он привычно низко наклонился к ней, чтобы лучше слышать; потом погладил по руке – наверное, успокаивал. Вот Сергей поставил на ленты транспортера два

небольших чемодана – свой и ее, забрал у строгой девушки в летной форме билеты и посадочные талоны и вместе со своей спутницей отошел от стойки. Лина метнулась вниз, в ней еще жило сомнение – а вдруг это он ее провожает? А чемодан... чемодан просто похож. Но когда она спустилась вниз и обогнула установки для досмотра багажа, парочка уже поднималась на эскалаторе на второй этаж. Лина, выждав полминуты, тоже бросилась к эскалатору. Сергей и белокурая незнакомка уже подошли к окошку таможни.

Женщина вдруг оглянулась, и Лина шарахнулась за колонну. Когда решилась выглянуть, они уже прошли таможеню и скрылись за непрозрачной стеклянной перегородкой. «Этого не может быть, – жалобно подумала Лина. – Просто не может быть, и все». С благодарностью она ощутила лбом холод мраморной колонны. Лина потратила столько сил, чтобы убедить себя в нереальности той сцены в парке, когда отчетливые на фоне желтой листвы силуэты влюбленных растаяли вдали, а она – пряталась, когда они были счастливы. Тогда у нее, у обманутой жены, внутри все сжималось от боли, – сердце не принимало, а мозг отказывался анализировать. Нет-нет, этой сцены просто не было. Ну, или она ничего не означает. Нет, пожалуй, лучше первое. Что жизнь продолжается, что плохое больше не повторится, что ее, Линину, благополучию ничего не угрожает. И после этого они с Сергеем ходили в гости, танцевали и даже провели вместе ночь! Всей семьей ели пирог с яблоками... Стало быть, все

это время Сергей готовился к поездке, получал визу, созванивался с той женщиной, договариваясь о встрече в аэропорту. И вел себя при этом так, как будто ничего особенного не происходит. Он ее предавал, обманывал, выставлял на посмешище... а потом поцеловал, пообещал звонить и ушел. Нет, убежал – к ней. Значит, он считает, что такое поведение нормально – все это в порядке вещей.

Лина не помнила обратной дороги, не помнила, как пришла домой, открыла ключом дверь и поднялась наверх. Не раздеваясь, упала в кровать и пролежала до вечера в странной полудреме: она слышала и видела, что происходит вокруг нее, но ей казалось, что все это не имеет к ней отношения и что она – отдельно. Приехавшая Елена Степановна что-то спрашивала, Лина даже что-то отвечала, вполне разумное, судя по всему, потому что домработница не удивилась. Вернувшийся из школы Андрей тоже заглянул, сказал: «Привет!» и умчался по своим делам. И даже негодяйка Буська, поняв, что хозяйке не до нее и что чесать ей спинку и гладить животик Лина не собирается, отправилась вниз, присоединившись к Елене Степановне, которая, закончив уборку, хлопотала на кухне. Маленькая хитрюга прекрасно знала, что, если сделать умильную мордочку и повздыхать, глядя Елене Степановне в глаза, она не устоит и, несмотря на строжайший запрет хозяйки (Бусин стоматолог категорически, категорически против!), даст «бедной собачке» что-нибудь сладенькое. Назло противному дядьке-стоматологу, ко-

торого Буська заслуженно ненавидела и при каждом визите к которому устраивала грандиозный скандал.

В начале одиннадцатого Лина встала – просто потому, что было начало одиннадцатого и она подумала, что надо встать. Спустилась вниз – ни за чем, просто спустилась, и все. В гостиной горел ночник, в доме было тихо, из комнаты сына доносились приглушенные звуки выстрелов, хлопки и неприятные хлюпающие звуки, будто кто-то с размаху шлепал об стенку пакет с водой. «Опять... Испортит глаза за этими стрелялками», – подумала Лина, но к Андрею не пошла – затевать педагогический конфликт не было ни сил, ни желания. На кухню тоже не пошла, хотя Елена Степанова наверняка уходя оставила на плите и невостребованный обед, и ужин для припозднившихся едоков. При одной мысли о еде Лина почувствовала тошноту, хотя за весь день она практически ничего не ела и не пила – разве что с утра только выпила чашку кофе в аэропорту и съела булочку... При слове «аэропорт» в голове у нее будто сработал переключатель, и возникла четкая картинка: Сергей, незнакомка и она, Лина, стоящая за колонной и умирающая от унижения и обиды, как будто это она – преступница!

– И что же делать? – спросила она темноту и вздрогнула – в пустоте огромного помещения дрожащий голос прозвучал слишком громко и в то же время жалко. – Что мне теперь делать? Ведь надо же что-то делать, а?

На ее голос из глубины диванных подушек выкопалась по-

мятая и заспанная Буся. Зевнув во весь рот, боком спрыгнула с дивана, потянулась и, цокая коготками по паркету, подошла к Лине. С видом королевы, оказывающей милость придворному, положила к ее ногам тряпичную мышку – свою любимую игрушку. Хозяйка стояла столбом. Буся возмущенно тявкнула.

– Да не хочу я сейчас играть, как ты не понимаешь?!

Лина ногой отпихнула мышку, и Буська, оскорбленная до глубины души таким пренебрежением, тоже отскочила и залилась звонким обиженным лаем.

– Пошла вон отсюда! Дура! – вдруг заорала Лина. – Не понимаешь ничего! Тебе русским языком говорят – не до тебя, так ты назло – лезешь, лезешь! Я не знаю, что делать, свихнусь скоро!!! А ты...

Лина кричала, не выбирая слов, что-то бессвязное и пришла в себя только тогда, когда в гостиной вспыхнул яркий свет и ее схватил за руку испуганный Андрюшка.

– Мам, что с тобой? Мама! Мамочка!

Лина замолчала. Впавшая в форменную истерику, почище чем в кабинете стоматолога, Буська уже не лаяла, а рычала и хрипела, припадая на передние лапы и трясясь от злости.

– Вот зверюга! Убирайся! – топнул ногой Андрей. – Мам, да что у вас тут? Стоите в темноте и орете друг на друга. Что она сделала такого?

– Она? Ничего, – с недоумением оторопело произнесла

Лина.

– А чего ты тогда на нее так? – недоумевал Андрей. – То слова ей не скажи, ты все: «Не кричите на девочку, не трогайте Бусечку!», а тут такие разборки. На весь дом.

– Я... да ничего... Ты прости, пожалуйста... – пробормотала, постепенно приходя в себя, Лина. – Я сегодня как-то неважно себя чувствую, давление, наверное.

– Ну и зря тогда встала. Вон какая бледная, – встревожился сын. – Давай я тебя наверх провожу, а то споткнешься еще. Буську к себе заберу... если пойдет, конечно.

Оказавшись опять в пустой душевной спальне, Лина с отвращением посмотрела на смятую постель – перспектива бессонной ночи несколько не прельщала, а в том, что она не уснет, не было сомнений. И тут ей пришла в голову странная мысль: надо пойти в кабинет мужа и там... нет, не искать улики (боже упаси, вдруг чего еще найдешь, и тогда останется только утопиться в его замечательном бассейне). А просто – посидеть, подумать. Может быть, понять. И решить, что ей делать дальше. Подождав еще с полчаса (не хватало еще, чтобы Андрей застал ее среди ночи в отцовском кабинете), Лина вышла из спальни и тихо прокралась по балкону в кабинет мужа. К ее великому изумлению, он оказался закрытым, хотя обычно Сергей дверь на замок не запирает. Этот факт лишь удвоил ее решимость и подвиг на кипучую деятельность. Апатия и оцепенелость улетучились, как не бывало, как будто это не она провела весь день в анабиозе.

Все запасные ключи от дверей, которые запирались, обычно хранились в гардеробной первого этажа, в коробке на верхней полке. Лина прокралась вниз, подтащила к стеллажу специальную стремянку и ловко, хотя не без труда, дотянулась до коробки. Переложив в карман все ключи, какие там были, Лина вернулась к кабинету мужа. Дыхание сбилось, и руки дрожали, но она была полна решимости, как никогда. Как заправский взломщик, почти сразу подобрала нужный ключ, пробралась внутрь и закрылась. Включила свет, отдышалась, успокоилась. И вдруг ее осенило: эти переживания и метания, мирные намерения насчет «посидеть, подумать и понять» ни к чему не приведут. Паника прошла, а на ее место пришли сосредоточенная решимость и расчет.

Нет, она не позволит с собой так обращаться! Она перевернет весь кабинет вверх дном, найдет то, что изобличит ее супруга окончательно и... и потребует развода. И раздела имущества, да-да! Она не будет тихо глотать слезы наедине с собой и надевать на лицо вымученную улыбку на людях, как делают ее приятельницы и подружки, оказавшиеся в аналогичной ситуации. Она молода, красива, у нее есть диплом и знакомства. Она оставит за собой городскую квартиру, заберет Андрея и заставит блудного папашу платить алименты. А делать из себя идиотку она не позволит! Подбадривая себя таким образом, Лина остервенело рылась в ящиках стола, не заботясь о том, что следы такого обыска вряд ли удастся скрыть.

Ее труды очень скоро увенчались успехом: из дальнего угла ящика она извлекла бумажный пакет, на котором красивым почерком с завитушками было написано: «Самому любимому папочке». «Папочка»! Какая гадость!» – успела подумать Лина, пока ее руки лихорадочно открывали пакет. Внутри лежал фотоальбом с картонными листами, каких теперь уже почти не продают, – снимки в нем были не вставлены в прозрачные кармашки, а приклеены. Возле каждого – несколько строк, написанных той же старательной рукой. На фотографиях ее Сергей сидел за праздничным столом, гулял в парке, собирал в саду яблоки, купался в озере, качался на качелях или, надев бумажный клоунский колпак, едва удерживал в руках коробки с подарками. Больше всего Лину поразило то, что на всех снимках у него был вполне счастливый вид. Рядом с ним почти всегда были светловолосая девочка и женщина – высокая сухоощавая блондинка с натянутой и неискренней, как показалось Лине, улыбкой. Чаще всего она смотрела на Сергея и только изредка – в кадр.

Но это была совсем не та красавица, с которой ее драгоценный супруг сегодня утром отбыл в Прагу. Это была его первая жена. И новое открытие шокировало Лину ничуть не меньше, чем предыдущие. Оказывается, все эти годы ее муж втайне от нее поддерживал отношения со своим бывшим семейством. И, судя по фотографиям, отношения очень теплые. Уронив на пол злополучный альбом, Лина, против своей воли вспомнила тот день, о котором запретила себе вспо-

минать.

Начинался день удивительно, прекрасно, просто волшеб-но – именно так и может выглядеть День Исполнения Меч-ты. У нее был первый талончик, на восемь утра. И уже в восемь пятнадцать не выспавшаяся и оттого всем на све-те недовольная тетенька врач скороговоркой сообщила ей, что «будет мальчик» и что «если хотите распечатать снимки УЗИ – оплатите в регистратуре». Конечно же, она оплати-ла и забрала с собой первую фотографию сына – он больше был похож на мышонка или на рыбку, а не на человечка, но какое это имело значение! Придя на работу, Лина не выдер-жала и сразу показала их будущему папе. Она не знала, как он встретит это известие. Она могла только догадываться и надеяться. Именно поэтому и молчала до сих пор, загадав: если будет мальчик, сын, – Сергей не устоит. Он молча взял снимок, долго рассматривал, а потом прижал ее к себе и по-целовал. Она заплакала, впервые поняв, что можно плакать от счастья. А Сергей сказал ей наконец самые главные слова, те, которых она ждала два года, с того момента, как впервые увидела своего нового начальника. «Я поговорю с женой», – вот что он сказал. И эти слова звучали для Лины как лири-ческая симфония.

Сергей всегда выполнял обещанное. Наверное, ему тоже непросто далось это решение, потому что он не хотел с ним жить до вечера. А может быть, хотел застать жену наедине, пока дочь в школе. Как бы то ни было, но в обеденный пере-

рыв он уехал и не возвращался очень долго, так долго, что Лина уже и не знала, что отвечать по телефону, который разрывался от звонков. Потом он позвонил и сказал, что не придет до вечера, потому что ему «надо решить некоторые вопросы». Лина была вне себя от счастья: теперь у нее есть любимый мужчина, сильный и умный, который будет за нее «решать все вопросы». А она, Лина, будет слабой и любимой женщиной, которую хочется баловать и защищать от всех невзгод. Так начала сбываться ее мечта.

А еще через час в приемную, где сидела Лина, ворвалась его жена. Высокая худошавая блондинка – она почти не изменилась по сравнению с фотографиями. Она даже так же напряженно и неестественно улыбалась, и поэтому Лина не успела испугаться.

– Увела мужика? Довольна? Ах, ты... – Это были единственные слова, которые Лина могла воспроизвести в памяти. Остальные были слишком оскорбительны и несправедливы. Если бы его жена пришла поговорить, то, возможно, Лина и смогла бы ей объяснить, что в жизни бывает всякое, и никто не виноват, что они с Сергеем полюбили друг друга, и что Лина ни в коем случае не будет против его общения с девочкой...

Но вместо разговора женщина схватила Лину за волосы, выволокла из-за стола и принялась отвешивать ей пощечины. Лина даже не пыталась защищаться, настолько была ошарашена и напугана неожиданным нападением. В коридо-

ре сидели какие-то люди, они-то и вбежали в приемную, разняли дерущихся. У Лины из разбитого носа капала кровь, бесстыдно пачкая воланы белой блузки, в голове гудело, а в ушах шумело, будто натолкали ваты, и все звуки доносились как-то издалека. Мешая угрозы с ругательствами, жена Сергея ушла – точнее, ее аккуратно вывели и уговорили уехать домой (все-таки жена шефа, кто знает, как оно потом обернется).

Сотовых телефонов тогда, пятнадцать лет назад, еще не было. И Лина никого не могла предупредить. То плача навзрыд, то поскуливая от обиды и унижения, она опухла от слез, когда Сергей наконец вернулся в офис. Захлебываясь рыданиями, незадачливая любовница рассказала ему о происшествии, о том, как ей было больно, обидно и страшно. И как могла его жена – приличная женщина – вести себя так ужасно и неприлично, как дикарка?! Надо иметь гордость, чувство собственного достоинства, наконец! Удерживать скандалами мужчину, который тебя разлюбил, – унижительно и бессмысленно. Бить беременную женщину – это подло, мерзко! Это – преступление! А что, если с ребенком – с их ребенком – что-нибудь случится?!

– Я напишу заявление в милицию... – подвывая, едва выговаривала Лина.

– Нет. Я сам разберусь, – жестко ответил Сергей. – Больше она к тебе не придет.

Он, как всегда, сдержал слово. Больше Лина никогда и ни-

чего не слышала о его бывшей жене – не было ни звонков на домашний телефон, ни упоминаний о ней. Она была абсолютно уверена, что Сергей вычеркнул эту стерву и из своей жизни раз и навсегда, как убрал ее из Лилиной. Лишь это обстоятельство могло утешить, потому что больше никаких извинений и объяснений она от Сергея не получила. Понятное дело, что он платил алименты, ведь там осталась дочь, девочке было тогда лет десять или чуть меньше. Стало быть, сейчас ей... да, двадцать пять. И, оказывается, все эти годы Сергей, как ни в чем не бывало, общался с этой... Лилина и сейчас не могла подобрать слов, чтобы выразить свое отношение к женщине, которая пятнадцать лет назад нанесла ей моральную травму, оставившую воспоминания на всю жизнь.

Значит, Сергей предал ее не вчера и не сегодня. На самом деле он никогда ей не принадлежал целиком. Все эти годы он поддерживал дружеские отношения с ее злейшим (единственным!) врагом. Да еще какие отношения: «дорогой», «любимый», «единственный» – эти и прочие подобные эпитеты перемежались с примитивными стишками и глупыми, понятными только двоим намеками и шуточками, которые служили подписями к снимкам. Судя по снимкам, им было неплохо втроем... а может быть, даже вдвоем?! Эта стерва, его бывшая, наверняка постаралась затащить Сергея обратно в свою постель. И вряд ли он, как джентльмен, отказал обиженной и любящей женщине в такой мелочи... Злая

Линина фантазия вела ее в настоящие дебри. Оказывается, она ничего не знала про своего мужа. Она думала, что он закрытый, сдержанный, скупой на эмоции. А он – какой сюрприз – и листиками рад поиграть, и колпачок вон напялил клоунский... И яблочки в саду собирает. Какой мерзавец...

Смелость и наглость, с которыми она влетела в кабинет мужа, оставили Лину. Со снимка, улыбаясь одними губами, прямо на нее с вызовом смотрела женщина, которая уже много лет любит ее мужа, готовая довольствоваться даже крохами с чужого (с ее, Линино!) стола. Может быть, она ждет и надеется на большее, чем родственный досуг и утешительный секс, уже давно простив его за предательство? Она все, даже унижительный статус «брошенной жены», готова ему простить. Ради чего?

А ради чего она сама, Лина, то мечется по дому и рыдает в подушку, то затевает душеспасительные разговоры? Думает, что лучше бы муж умер, а потом надевает лучшее платье, бросается печь пироги и убеждает себя, что все не так страшно и не надо делать трагедию из события, которое случается в жизни женщин сплошь и рядом? Почему она до сих пор не хлопнула дверь, лелея ту самую гордость и чувство собственного достоинства, отсутствие которых так пылко ставила в вину его первой жене?

Ответы Лина дала себе сама, сидя на полу возле выпотрошенного стола. Если поразмыслить, все просто и сложно одновременно: уйдя от мужа, она потеряет не только мно-

жество дорогих сердцу вещей, составляющих образ ее жизни, такой устроенной и налаженной, – она потеряет самый ее *смысл*. Ведь смысл и суть ее жизни – быть женой Сергея, успешного, сильного, умного, настоящего мужчины. Если из центра ее маленькой вселенной изъять Сергея, то образуется черная дыра и вселенная немедленно разлетится на кучу никчемных осколков. Стало быть, надо собраться, надо молчать и ждать. Надо научиться жить, делая вид, что ее вселенной ничего не угрожает. Потому что только так можно спасти свой мир от катастрофы.

Лина длинно и прерывисто, как после плача, вздохнула и, стоя на четвереньках, принялась внимательно и аккуратно раскладывать по местам брошенные на пол вещи. На часах было половина третьего.

Наутро Лину разбудил осторожный стук в дверь.

– Да? Кто там? Заходите! – удивилась Лина, взглянув на часы: Андрей должен быть в школе, Елена Степановна ее никогда не будила, если на то не было отдельных указаний.

– Лина Борисовна, простите... – вид у домработницы был встревоженный. – Мне кажется, Бусе плохо. Может быть, надо к врачу?

Лина слетела с кровати, ругая себя на чем свет стоит. Занятая своими мыслями, она даже и не заметила, что Буся вечером не пришла к ней в спальню, как обычно. А ведь обычно она лихо воевала за место под одеялом!

– Лежит посреди гостиной прямо на полу, кушать не идет, ни на что не реагирует, – объясняла Елена Степановна, спеша за Линой вниз по лестнице на первый этаж. – Знаете, стошнило ее.

Собачонка и в самом деле лежала посреди комнаты на голлом полу, хотя всегда предпочитала если уж не диваны, то ковер. Голова безвольно откинута, глаза полузакрыты.

– Девочка моя! Что с тобой, маленькая? Солнышко мое! Боже мой, у нее нос сухой! – немедленно впала в панику Лина. – Иди скорее ко мне, мамочка тебя возьмет на ручки, что же ты на полу...

Но когда она попыталась взять несчастное создание на руки, Буся взвизгнула, слабо зарычала и забила лапами.

– Кажется, ей совсем плохо! Елена Степановна, где телефон?! Сейчас, сейчас, дорогая, я врачу позвоню, врач придет и вылечит маленькую мою...

Но сотовый телефон частного ветврача, который всегда приезжал к Бусе ставить прививки, был недоступен. А в ветклинике, где работал Бусин стоматолог, Лина в последний раз устроила скандал по поводу того, что перед ними в кабинет без очереди провели какую-то дамочку с китайской хохлатой. И нет бы попросили по-хорошему, в конце концов, мало ли какие у людей обстоятельства, возможно, Лина и согласилась бы. Так нет – врач лично выскочил их встречать, дамочка и ее противная голая собачонка смотрели свысока, к тому же Буся, как всегда, капризничала, Лина разнервни-

чалась... В общем, она сказала дежурному администратору все, что думает, об их заведении и пообещала, что ноги ее больше здесь не будет, как и Бусиной лапы.

И тут она вспомнила о Плюсике. Лариска ведь дала ей визитку! Куда она ее засунула? Минуту спустя она уже набирала номер ветеринарного центра «Хэппи дог» и требовала немедленно – слышите – немедленно! – позвать к телефону Валентина Алексеевича Плюснина.

– Обязательно скажите, что звонит Лина Белоглазова... то есть Ленькова! – кричала она администратору.

А еще через четверть часа, лихорадочно одевшись и едва справившись с разбушевавшейся Буськой (им с Еленой Степановной пришлось выковыривать ее из-под дивана, рискуя быть укушенными), Лина уже выворачивала в сторону города. Наспех одетая собака сперва металась на заднем сиденье машины, пугая Лину своим неадекватным поведением, а потом наконец-то замолчала, забилась в угол и затряслась как припадочная.

– Спокойно, спокойно, – вслух уговаривала то ли себя, то ли собаку Лина, – Плюсик нам поможет. Он очень хороший, он все знает, он все умеет. Не бойся, сейчас приедем, и все будет хорошо.

Ехать, к счастью, было недалеко: до города, потом по объездной и в спальный район на окраине, где размещалась ветклиника. Снаружи она показалась Лине недостаточно респектабельной, но ее сомнения рассеялись, когда она, при-

жимая к груди тощее дрожащее тельце, вошла внутрь. В клинике все было по высшему классу, начиная от интерьера и предупредительной девушки-администратора за стойкой и заканчивая длинным перечнем специалистов и списком всевозможных анализов и процедур. Валентин Андреевич был немедленно вызван на ресепшен, и Лина, несмотря на свое состояние, не смогла удержаться от улыбки: она помнила Валентина тощим, долговязым, с огненно-рыжей шевелюрой. А ей навстречу бросился здоровенный крепкий дядька с обширными залысинами, аккуратной рыжей бородкой и довольно длинным рыжим хвостом, перехваченным резинкой. Правда, веснушчатую физиономию все так же озаряла открытая искренняя улыбка, знакомые глаза в обрамлении рыжих ресниц излучали радость и восхищение.

«Он всегда так на меня смотрел – с радостью и восхищением», – вдруг вспомнила Лина и как-то сразу успокоилась.

– Какие люди! – искренне радовался Валентин Андреевич. – Сколько лет, сколько зим! Галка, ты все такая же красавица, только в сто раз лучше! А это кто у нас?

– Это Буся, – заглядывая под отороченный мехом крошечный капюшончик, познакомила их Лина. И с удивлением заметила, что и Буська вдруг перестала трястись, как припадочная, вытаращила и без того круглые глаза и подняла уши торчком, прислушиваясь к голосу доктора.

– И что у нас случилось с Бусей? – так же радостно поинтересовался Плюснин.

– Я не знаю. Она странная какая-то с утра. Не ест, на руки не идет. Тошнило ее. То лежит, как неживая, то мечется, огрызается. Стонала всю дорогу, тряслась, – заторопилась Лина. – Лапы дергались, как будто припадок. А вдруг это эпилепсия?

– Да так уж сразу и эпилепсия, – склонил голову набок Валентин Андреевич. – Пойдемте, девочки, ко мне в кабинет, посмотрим, поговорим.

При этих словах Буська взвизгнула и обмякла на руках у Лины, будто в обморок упала. Лина от неожиданности споткнулась и сама едва не потеряла равновесие.

– Ну вот – видишь? – с ужасом прошептала она, кивая на безжизненно обвисшее тельце. – А вчера еще у нее истерика была, взбесилась прямо!

– Ничего пока не вижу, – весело отказался Плюснин, пропуская ее в кабинет и помогая сесть. – То есть вижу, что это довольно неглупая собачка, очень артистичная, между прочим! Йорки, кстати, вообще все не дураки, хотя многие думают иначе.

– Ты что, считаешь, она притворяется?! – шепотом возмутилась Лина. – У нее нос сухой! И видел бы ты ее утром!

– Нос, может, и сухой. Зато глазки здоровые, – парировал врач, осматривая и ощупывая Буськину мордочку. – Что уж ты сразу – притворяется. Я просто говорю, что, судя по глазкам, ничего страшного. У больной собаки глаза больные, вот и все, что я хотел сказать, уважаемая Галина Борисовна...

Он уже успел взять из Лениных рук собаку, ловко снял попонку и, поставив Буську на специальный стол, ощупывал ее сантиметр за сантиметром. Опешившая от такой бесцеремонности Буся (обычно осмотру предшествовали долгие уговоры) даже не сопротивлялась – замерла, как на выставке перед судьями. В это время Лина, волнуясь и запинаясь, подробно пересказывала события сегодняшнего утра.

– Очень хорошая собака! – подвел итог Валентин Андреевич. – Нервная, конечно, а кто сейчас не нервный, скажите, пожалуйста?

– Надо исключить эпилепсию! У нее судороги были, мне кажется... – попросила Лина. – У ее брата, из другого, правда, помета, но точно эпилепсия есть, я недавно узнала и боюсь теперь до ужаса.

– Раз боишься – исключим, – согласился Плюснин, весело глядя на Лину. – Это мы запросто. У тебя время есть?

– Да я ради Буси все бросила!

– Вот и отлично. Давай, ты тут посиди, вон, журнальчики почитай, если хочешь, Танечка тебе кофе принесет, а мы пойдем кардиограмму сделаем, рентген, кровь возьмем на анализ...

– Что ты, она одна не пойдет, так что я с вами! – вскочила Лина.

– Отчего же это не пойдет? – удивился врач. – Еще как пойдет, правда, собака? А ты нам только мешать будешь. Пойдем, Буська?

Лина была готова поклясться, что Буська кивнула! Вытащив глаза от удивления, она наблюдала, как ее вредина и скандалистка Буська, будто загипнотизированная, позволила взять себя на руки и они оба удалились, оставив Лину в гордом одиночестве. Вот это да... Еще ни один врач не находил с ее девочкой общий язык, и до сих пор любое общение с докторами стоило всем огромных нервных затрат, а тут – на тебе.

Чтобы успокоиться и отвлечься, Лина постаралась думать о другом. Как хорошо, что у нее оказался под рукой телефон Валентина. Напрасно она не поддерживала старое знакомство, вот как пригодилось. А ведь они знакомы с детства. Выросли, что называется, в одной песочнице. В их детскую, а потом и подростковую компанию тогда входили еще Лариска и Сашка Лиходеев. Тогда ее еще звали Галкой, и она ненавидела свое глупое птичье имя. Впрочем, дворовые клички ненавидела еще больше: во дворе ее сперва звали Ленью (потому что Ленькова), а позже дразнили Дюймовочкой, потому что в седьмом классе она вдруг вытянулась, обогнав почти всех мальчишек. Лариску, тогда еще Шилову, звали Шилом, она и в те далекие времена была неумеренно активной. Недаром она и сейчас – Белкина, как нарочно. Белка в колесе и есть со своими работами, собаками, детьми и прочими глупостями. Вообще клички, более или менее обидные, тогда были у всех. Но только у Вальки она была... положительной, что ли. Плюсик – звучало ласково и весело. Его даже

«рыжим» никогда не дразнили, хотя это неизбежная участь всех рыжеволосых. Плюсика все любили за незлобивость и солнечный, в цвет волос, характер. Он вечно всем помогал, и как-то так всегда получалось, что, если в дело вмешивался Плюсик, жизнь становилось проще, понятнее, конфликты не стоили выеденного яйца, а намеченные драки двор на двор отменялись и заканчивались партией в волейбол или настольный теннис.

Лина и Сашка учились в элитной английской школе, а Лариска и Валя в самой что ни есть обычной, но дворовое пространство на протяжении всех школьных лет их объединяло и уравнивало. После школы Сашка уехал с родителями за границу, Лариска с трудом поступила в педагогический, Лина пошла на биофак, потому что, во-первых, ей было все равно, куда идти, лишь бы в вуз, а во-вторых, там преподавала ее родная тетя. Валя вдруг тоже поступил на биофак, и никто не сомневался, что сделал это исключительно из-за Галки Ленковой. В университете, разумеется, никаких кличек уже не было – взрослые, солидные люди, студенты! – но Валу отчего-то и здесь сразу стали звать Плюсиком, а он не возражал. Он немедленно записался в факультетскую команду КВН, «звездил» на конкурсах авторской песни и волейбольных турнирах. Все пять лет он был бессменным старостой курса и по-прежнему миром улаживал все трудные дела, будь то конфликт с деканатом, экзамен по высшей математике или зачет по полевой практике. Вспомнив зачет по

полевой практике после первого курса, Лина испытала такой прилив нежности к незаслуженно подзабытому Плюсику, что едва не прослезилась.

После первого курса они проходили летнюю практику на биостанции и потом всегда вспоминали это время как самое чудесное и романтическое за все время учебы: им было по восемнадцать, они упивались своей взрослостью и самостоятельностью. А еще был теплый июнь, короткие светлые ночи, высокое звездное небо, пахнущая дымом печная картошка, песни у костра, разговоры обо всем на свете – и острое ощущение счастья, и предчувствие чего-то важного, которое уже совсем близко, рядом! Но, помимо всего этого, согласно учебному плану им надлежало выполнить множество заданий, одно из которых Лина до сих пор вспоминала с содроганием. Надо было поймать полевую мышку, дожидаться, пока она отдаст концы в мышеловке, а потом предъявить руководителю практики очищенный от всего лишнего путем вываривания крохотный череп безвинной жертвы науки. Лина заранее рыдала, представляя себя в роли палача несчастной мышки, не говоря уже о последующих отвратительных действиях. Кончилось тем, что Валя наловил и сварил мышей для всех девочек их группы. Ей, Лине, достался самый красивый и гладкий череп, и даже описание Плюсик для нее составил сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.